

Дин Кунц практически монополизировал жанр.
Он великолепно умеет завораживать читателя и держать его в напряжении.

Richmond Times-Dispatch

ДИН КУНЦ

НЕХОРОШЕЕ МЕСТО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Дин Рэй Кунц
Нехорошее место
Серия «The Big Book. Дин Кунц»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120609
Дин Кунц Нехорошее место: Эксмо;
ISBN 978-5-389-16454-3

Аннотация

Фрэнк Поллард просыпается в переулке с чувством страшной опасности, которая ему угрожает. Фрэнк не помнит ничего, кроме своего имени. Укрывшись в мотеле, он проваливается в сон, а проснувшись, обнаруживает, что его руки в крови. Чья это кровь? Откуда она взялась? Далее события развиваются с ужасающей быстротой. Каждый раз, просыпаясь, он находит рядом с собой незнакомые предметы – и они пугают его сильнее, чем даже руки, обгаренные кровью. Детективы Бобби и Джулия Дакота, взявшиеся расследовать это дело, очень скоро убеждаются, что оно куда опаснее, чем им казалось вначале. Более того, из преследователей они превращаются в преследуемых...

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	39
Глава 7	50
Глава 8	54
Глава 9	58
Глава 10	60
Глава 11	70
Глава 12	73
Глава 13	81
Глава 14	92
Глава 15	94
Глава 16	115
Глава 17	120
Глава 18	124
Глава 19	136
Глава 20	140
Глава 21	146
Глава 22	148
Глава 23	154

Глава 24	159
Глава 25	167
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Дин Кунц

Нехорошее место

Dean Koontz

THE BAD PLACE

Copyright © 1990 by Nkui, Inc.

This edition published by arrangement with InkWell
Management LLC and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

thebigbook.

ДИН
КУНЦ

Серия «The Big Book. Дин Кунц»

Оформление обложки Ильи Кучмы

© В. А. Вебер, перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Учителя зачастую оказывают на нашу жизнь большее влияние, чем могут себе представить. Со средней школы и до настоящего времени у меня были учителя, перед которыми я всегда буду в неоплатном долгу, не из-за того, чему они научили меня, но потому, что они являли собой бесценные примеры беззаветного служения делу, доброты и щедрости души, тем самым вселив в меня несокрушимую веру в чело-

веческую добродетель.

Эта книга посвящается:

Дэвиду О'Брайну, Томасу Дойлу, Ричарду Форсайту,
Джону Боднару, Карлу Кэмпбеллу, Стиву и Джин Хернишин

Каждый глаз видит мира свою картину,
В ухе каждом песня своя звучит.
Вторгнись в душу любую – узришь такие глубины,
Тайны постыдные, список злодейств и обид.
Демоны жуткие ходят в людском обличье,
Часто страшней обитателей адских широт.
Вздогнешь при виде их образин неприличных,
Но капля добра и любви в каждом звере живет¹.

Книга сосчитанных печалей

¹ Перевод Натальи Рейн.

Глава 1

Ночь успокоилась и затихла, проулок будто превратился во всеми покинутый и безветренный участок побережья, оказавшийся в «оке» урагана, между прошедшей и приближающейся бурями. В недвижимом воздухе висел слабый запах дыма, хотя самого дыма не было и в помине.

Распростертый на холодной мостовой, лицом вниз, Фрэнк Поллард не шевельнулся, когда к нему вернулось сознание. Ждал в надежде, что царящий в голове сумбур уляжется. Моргнул, стараясь сфокусировать взгляд. Но в глазах, казалось, колыхались вуали. Он глубоко вдохнул холодный воздух вместе с запахом невидимого дыма, поморщился от его едкости.

Тени нависали над ним, словно толпа закутанных в широкие одеяния фигур, сгрудившихся вокруг. Потихоньку глаза очистились от тумана, но в слабом желтоватом свете, источник которого располагался далеко за спиной, он мало что смог разглядеть. Большой контейнер для мусора, находящийся в шести или восьми футах от него, поначалу показался ему таким странным, что он принял его за некий артефакт инопланетной цивилизации. И лишь присмотревшись, Фрэнк понял, что видит перед собой.

Он не знал, где находится и как сюда попал. Хотя сознание вроде бы потерял всего на несколько секунд, потому что

сердце колотилось так сильно, будто несколькими мгновениями раньше он бежал изо всех сил, спасая свою жизнь.

«Светляки на ветру...»

Обрывок фразы сверкнул в мозгу, хотя он понятия не имел, что означают эти слова. Когда он попытался сосредоточиться на ней и разобраться, о чем речь, тупая боль возникла над правым глазом.

«Светляки на ветру...»

Он застонал.

Между ним и контейнером среди неподвижных теней двигалась тень, быстрая и зловещая. Яркие зеленые глазки рассматривали его с ледяным интересом.

В испуге Фрэнк поднялся на колени. Слабый произвольный крик сорвался с губ, не похожий на человеческий голос. Скорее такие звуки могла издать дудочка, свирель.

Зеленоглазый наблюдатель метнулся в сторону и исчез. Кот. Всего лишь обыкновенный черный кот.

Фрэнк встал, покачнулся и чуть не упал. Причиной был какой-то предмет, который лежал на асфальте позади него, вплотную к ногам. Он наклонился, поднял его: дорожная сумка из мягкой кожи, плотно чем-то набитая, на удивление тяжелая. Он предположил, что сумка принадлежит ему. Точно этого не помнил. С сумкой в руке поплелся к мусорному контейнеру, привалился к его ржавому борту.

Оглядевшись, увидел, что находится меж двух рядов, как ему показалось, двухэтажных оштукатуренных жилых до-

мов. Не светилось ни одного окна. С обеих сторон проулка автомобили жильцов стояли под навесами в соответствующих ячейках. Странное желтое свечение, грязное, цвета серы, более присущее газовому рожку, а не электрической лампе, исходило от уличного фонаря в конце квартала, слабое, оставляющее проулок, в котором он стоял, во власти теней.

Учащенное дыхание постепенно успокаивалось, замедлялся неистовый бег сердца, и тут он внезапно осознал, что не знает, кто он. В памяти сохранились только имя и фамилия, Фрэнк Поллард, но ничего больше. Он не помнил, сколько ему лет, чем он зарабатывал на жизнь, откуда пришел, куда направлялся, где оказался и почему. И так этому изумился, что у него перехватило дыхание. Но потом сердце вновь стремительно забилося, и он с шумом выдохнул воздух.

«Светляки на ветру...»

Что, черт побери, это означает?

Боль, которая ранее ощущалась только над правым глазом, начала распространяться по всему лбу.

В испуге он посмотрел направо, налево, в надежде найти хоть что-то знакомое, какой-нибудь якорь, зацепку в мире, неожиданно ставшем таким странным, совершенно незнакомым. Но поскольку ночь ничем не порадовала его, он обратил взор внутрь, пытаясь найти в себе хоть что-то свое, родное. Напрасно, память на поверку оказалась темнее проулка, в котором он очутился.

Он обратил внимание на то, что запах дыма уходит, замещающаяся вызывающей тошноту вонью гниющего в контейнере мусора. От смрада разложения органической материи голову заполнили мысли о смерти, которые, в свою очередь, вызвали смутные воспоминания о том, что он бежал от кого-то... или чего-то... бежал, потому что его хотели убить. Но попытки вспомнить, почему он бежал и от кого, ни к чему путному не привели. Собственно, осознание того, что он спасал свою жизнь, было скорее инстинктивным, чем базировалось на воспоминаниях.

На него дохнул ветерок. И тут же воздух успокоился. Будто мертвая ночь пыталась вернуться к жизни, но сподобилась лишь на один выход. Клочок мятой бумаги, поднятый с места этим порывом ветра, зашуршал, скользя по мостовой, остановился, уткнувшись в его правую ногу.

Еще порыв.

Бумажку унесло.

И вновь ночь замерла.

Что-то, однако, происходило. Фрэнк чувствовал, что источник этих дуновений ветра опасен, чреват смертельной угрозой.

Почему-то возникло ощущение, что вот-вот его раздавит что-то огромное, невероятно тяжелое. Он вскинул глаза к небу, чистому, без единого облачка, сверкающему звездами. Если что-то и опускалось на него, то недоступное глазу.

Ночь опять выдохнула. Уже сильнее. Резко и влажно.

Он был в кроссовках, белых высоких носках, джинсах и синей, в клетку рубашке с длинным рукавом. Без пиджака, который ему бы не помешал. Впрочем, ночь выдалась не холодной, разве что прохладной. Холод шел изнутри, вместе с леденящим страхом, вот он и дрожал, зажатый между прохладной лаской ночного воздуха и этим внутренним холодом.

Порыв ветра стих.

В какой уж раз ночь замерла.

Убежденный, что нужно выбираться отсюда, и побыстрее, Фрэнк оттолкнулся от мусорного контейнера. Пошатываясь, двинулся по проулку, все дальше уходя от уличного фонаря в более глубокую тень, не имея какой-либо конкретной цели, движимый чувством, что здесь ему оставаться нельзя, а безопасность, если он мог ее где-то найти, следовало искать в другом месте.

Ветер поднялся снова и на этот раз принес с собой странный, едва слышный свист, будто где-то далеко заиграли на сделанной из кости флейте.

Пройдя несколько шагов, Фрэнк почувствовал себя более уверенно, глаза привыкли к темноте, он оказался между двумя железными решетчатыми воротами под оштукатуренными арками, справа и слева от себя.

Он попытался открыть левые ворота. Замка не было, их удерживал только засов. Петли заскрипели, заставив Фрэнка дернуться. Оставалось лишь надеяться, что его преследова-

тель не услышал этого звука.

К настоящему моменту, пусть Фрэнк и не видел никакого врага, у него более не оставалось сомнений в том, что за ним кто-то гонится. Он знал это наверняка, как заяц знает, что на поле появилась лиса.

Ветер дул ему в спину, в ушах стоял тот самый, на одной ноте, свист, который издавала невидимая флейта. Свист этот пронзал его насквозь. Усиливал страх.

За черными железными воротами, в окаймлении папоротников и кустов, между двумя двухэтажными жилыми домами тянулась пешеходная дорожка. Она вывела Фрэнка в прямоугольный двор, освещенный тусклыми лампами. Двери квартир первого этажа выходили в крытую галерею, двери квартир на втором этаже – на балкон, тоже крытый, с железными прутьями ограждения. Темные окна смотрели на полосу травы, клумбы азалий и гортензий, несколько пальм.

Тени пальм падали на слабо освещенную стену, неподвижные, словно тени скульптур, а не настоящих деревьев. А потом вновь заиграла загадочная флейта, ветер набрал силу большую, чем прежде, и тени затанцевали, затанцевали. Да и тень Фрэнка побежала по стене, когда он торопливо пересекал двор. Он нашел еще одну дорожку, еще одни ворота, попал на улицу, на которую выходили фасады домов жилого комплекса.

Боковую улицу, без фонарей. Здесь никто не оспаривал главенство ночной тьмы.

На этот раз ветер дул дольше, чем до того, и сильнее.

А потом разом стих. Одновременно смолкла и флейта, тянувшая одну ноту, ночь замерла, словно на улице каким-то чудом воцарился вакуум: порыв ветра забрал с собой весь воздух. У Фрэнка заложило уши, как бывает при смене атмосферного давления, но, когда он пересекал мостовую, направляясь к припаркованным у противоположного тротуара автомобилям, ощущение это прошло.

Он попробовал ручки четырех из них, прежде чем нашел незапертый «форд». Сев за руль, оставил дверцу открытой, чтобы не погасла лампочка под крышкой.

Посмотрел в ту сторону, откуда пришел.

Жилой комплекс спал, закутанный в ночную темноту. Обычные дома, но почему-то они казались зловещими.

И нигде ни души.

Тем не менее Фрэнк знал, что кто-то приближается, сокращает разделяющее их расстояние.

Он сунул руки под приборный щиток, вытащил связку проводов, напрямую, минуя замок зажигания, соединил аккумулятор и стартер, прежде чем сообразил, что такие не слишком уж распространенные навыки предполагают тесное знакомство с жизнью вне закона. И однако, он не воспринимал себя вором. Не было у него ни чувства вины, ни страха перед полицией, ни антипатии к ней. Собственно, в этот самый момент он с радостью обратился бы к копу, чтобы тот уберег его от преследователей. Он видел себя не преступни-

ком, а человеком, который давно уже бежит от неумолимого и не знающего жалости врага.

Когда Фрэнк потянулся к ручке дверцы, перед ним полыхнуло светло-синее пламя, и тут же стекла «форда» со стороны водителя взорвались. Мелкими осколками засыпало заднее сиденье. Поскольку переднюю дверцу Фрэнк закрыть не успел, осколки стекла посыпались не на него, а на мостовую.

Захлопнув дверцу, Фрэнк через дыру – ранее ее место занимало стекло – посмотрел на темные жилые дома. Никого не увидел, ни в одном из окон не зажегся свет.

Фрэнк включил передачу, снял автомобиль с тормоза, нажал на педаль газа. Отъезжая от тротуара, задел задний бампер стоящей впереди машины. Ночь прорезал возмущенный скрежет металла.

Но атака не прекратилась. Вспышка синего света продолжительностью в доли секунды озарила салон. И тут же по лобовому стеклу зазмеились тысячи линий, хотя Фрэнк не увидел, что по нему ударило. Он успел наклониться и крепко закрыть глаза, чтобы летящие осколки не ослепили его. Какое-то время не видел, куда едет, но ноги с педали газа не убрал: лучше столкнуться с препятствием, чем остановиться, нажав на тормоз, и позволить невидимому врагу настичь его. Осколки завалили салон, многие попали в голову. К счастью, стекло было безопасным, разбивалось в крошку, так что обошлось без порезов.

Он открыл глаза, прищурился, защищая их от потока

встречного воздуха, увидел, что миновал половину квартала и выезжает на перекресток. Крутанул руль направо, чуть придавил педаль тормоза, повернул на более освещенную улицу.

Как огонь святого Эльма, сапфирово-синий свет поблескивал на хrome, и, когда «форд» огибал угол, лопнула одна из задних покрышек. Выстрела Фрэнк не услышал. А буквально через мгновение лопнула и вторая задняя покрышка.

Автомобиль качнуло, потащило налево.

Фрэнк движением руля попытался выровнять «форд».

Обе передние покрышки лопнули одновременно.

Автомобиль качнуло вновь, его еще продолжало тащить влево, но взрыв передних покрышек в какой-то степени компенсировал левостороннее скольжение, вызванное взрывом задних, что дало Фрэнку возможность сохранить контроль над автомобилем.

Опять он не услышал выстрелов. Не знал, как все это могло произойти, и при этом знал.

И вот это пугало больше всего: на каком-то глубоком подсознательном уровне он понимал, что происходит, какая таинственная сила уничтожает «форд» вокруг него и сколь малы его шансы на спасение.

Вновь синее мерцание.

Лопнуло заднее стекло. Осколки полетели в разные стороны. Несколько застряло в волосах.

Фрэнк обогнул угол и продолжал ехать на четырех спу-

ценных колесах. Рев ветра, бьющего в лицо, не мог заглушить хлопанье об асфальт рваных покрышек и скрежет стальных дисков.

Он посмотрел в зеркало заднего обзора. Ночь расстилась черным океаном, редкие уличные фонари, светящиеся в темноте, напоминали сигнальные огни судов, идущих двумя колоннами.

Согласно спидометру, после поворота ему удалось разогнаться до тридцати миль в час. Он попытался увеличить скорость до сорока миль, несмотря на спущенные колеса, но что-то стучало и щелкало под капотом, гремело и выло, двигатель кашлял, на большее автомобиль просто был не способен.

Он уже приближался к следующему перекрестку, когда фары то ли взорвались, то ли погасли. Точно Фрэнк сказать не мог. Столбы с фонарями стояли на достаточно большом удалении друг от друга, но Фрэнк все равно видел, куда едет.

Двигатель кашлянул, раз, другой, и «форд» начал терять скорость. Фрэнк не стал тормозить на перекрестке. Наоборот, надавил на педаль газа, но увы.

Отказало и рулевое управление. Руль только крутился в его потных руках, более ничем не связанный с передними колесами.

Вероятно, шины сорвало совсем. Диски высекали из асфальта золотые и бирюзовые искры.

«Светляки на ветру...»

Он по-прежнему не знал, что это означает.

И теперь, на скорости двадцать миль в час, «форд» сближался с бордюрным камнем по правую руку Фрэнка. Тот нажал на педаль тормоза, но она просто «утопла».

Автомобиль ударил в бордюрный камень, подпрыгнул, перескочил через него, по касательной соприкоснулся с фонарным столбом, измяв борт, и с грохотом врезался в большую пальму, что росла перед выкрашенным в белый цвет бунгало. В окнах зажегся свет еще до того, как грохот столкновения утих.

Фрэнк распахнул дверцу, схватил с пассажирского сиденья кожаную дорожную сумку, засыпанную осколками стекла, выскочил из салона, сбрасывая с себя все те же осколки.

Прохладный воздух показался ему обжигающе ледяным, потому что по лицу тек пот. Облизав губы, он почувствовал вкус соли.

Мужчина открыл дверь бунгало, вышел на крыльцо. Свет вспыхнул в окнах соседнего дома.

Фрэнк оглянулся. Облако светящейся сапфировой пыли надвигалось на него. Словно от огромного скачка напряжения, в двух кварталах позади начали рваться лампы уличных фонарей, и осколки стекла посыпались на асфальт. В сгустившемся сумраке Фрэнк, как ему показалось, разглядел высокую темную фигуру – расстояние между ними чуть превышало квартал, – которая направлялась к нему, но точно сказать не мог.

Слева от Фрэнка хозяин бунгало уже спешил по дорожке к пальме, в которую врезался «форд». Он что-то говорил, но Фрэнк его не слушал. Он не знал, от кого или чего бежит, почему так напуган и где надеется найти убежище, но все равно побежал, потому что знал: задержишься он еще на несколько минут, его убьют.

Глава 2

Задний, без окон, отсек «доджа» освещали крошечные красные, синие, зеленые и белые индикаторные лампочки приборов электронного наблюдения, но основным источником света служил зеленоватый отблеск двух компьютерных экранов, отчего замкнутое пространство заднего отсека напоминало внутреннее помещение опущенного на глубину батискафа.

В удобных туфлях, бежевых брюках и темно-бордовом свитере Роберт Дакота сидел на вращающемся стуле перед двойным видеотерминалом. Подошвами отбивал такт по доскам пола, правой рукой дирижировал невидимым оркестром.

Уши Бобби были закрыты наушниками шлемофона, в дюйме от губ завис прикрепленный к нему маленький микрофон. В этот самый момент он слушал «Прыжок в час дня», исполняемую оркестром Бенни Гудмена классическую композицию, шесть с половиной минут блаженства. Рояль Джесса Стейси, труба Гарри Джеймса... Бобби с головой ушел в музыку.

Но при этом ни на секунду не упускал из виду происходящее на экранах. Правый был связан в микроволновом диапазоне с компьютерной сетью компании «Декодайн корпорейшн», перед зданием которой и припарковался фургон.

Этот дисплей показывал, чем занимается Том Расмуссен в служебном помещении компании ночью со среды на четверг, точнее, в десять минут второго. Понятное дело, ничем хорошим он там заниматься не мог.

Расмуссен получал доступ, а потом один за другим копировал на дискеты файлы программы «Волшебник», нового, значительно превосходящего аналоги текстового редактора, разработку которого только-только закончили программисты «Декодайн». Файлы «Волшебника», конечно же, защищались всеми возможными способами, электронными крепостными стенами, башнями, рвами с водой, но Расмуссен был экспертом по компьютерной безопасности, а потому мог проникнуть в любую крепость, имея в своем распоряжении достаточно времени. И если бы «Волшебник» не разрабатывался в рамках внутренней компьютерной сети компании, не имеющей выхода в окружающий мир, Расмуссен добрался бы до этих файлов, не проникая в служебные помещения, с помощью модема и телефонной линии.

Ирония судьбы, но он уже пять недель работал в «Декодайн» ночным охранником. Его взяли на эту должность, потому что он представил тщательно изготовленные фальшивые документы, которые, однако, пусть и не сразу, позволили вывести его на чистую воду. Сегодня он пробил последний рубеж защиты «Волшебника». Оставались считанные минуты до того момента, как он мог бы покинуть здание «Декодайн» с коробочкой дискет, за которые конкуренты компании за-

платили бы целое состояние.

Композиция «Прыжок в час дня» закончилась.

– Музыка смолкла, – сказал Бобби в микрофон.

Эта звуковая команда приводила к тому, что программа проигрывания компакт-дисков отключалась, открывая линию связи с Джулией, его женой и деловым партнером.

– Как ты, дорогая?

На своей наблюдательной позиции, в автомобиле, припаркованном в дальнем конце автостоянки, она слышала в наушниках ту же музыку. Джулия вздохнула:

– Вернон Браун когда-нибудь играл на тромбоне лучше, чем на концерте в Карнеги-холле?

– А что ты можешь сказать о барабанах Крупы?

– Звуковая амброзия. И возбуждающее средство. От такой музыки хочется прыгнуть с тобой в постель.

– Не могу. Сна нет ни в одном глазу. А кроме того, мы – частные детективы, помнишь?

– Мне больше нравится быть любовниками.

– Занимаясь любовью, денег на хлеб не заработаешь.

– Я бы тебе заплатила.

– Да? И сколько?

– Ну... раз уж речь зашла о хлебе... на полбатона.

– Я стою целый батон.

– Если уж на то пошло, ты стоишь целый батон, два круасана и булочку из отрубей.

Говорила она приятным, глуховатым и очень сексуальным

голосом, который он так любил слушать, пусть даже и через наушники. В такие моменты казалось, что она ангел, шепчущий ему в уши. Она могла бы стать певицей одного из знаменитых оркестров, если бы жила в тысяча девятьсот тридцатых или сороковых годах... и если бы умела петь. Джулия прекрасно танцевала свинг, но вот насчет пения... Когда она пела под старые записи вместе с Маргарет Уайтинг, сестрами Эндрюс, Розмари Клуни или Марион Хаттон, Бобби покидал комнату, из уважения к музыке.

– Что подельывает Расмуссен? – спросила она.

Бобби глянул на второй дисплей, левый, подсоединенный к камерам слежения, установленным в служебных помещениях компании «Декодайн». Расмуссен думал, что отключил камеры и оставался незамеченным, но камеры наблюдали за ним ночь за ночью и фиксировали его противоправные действия на видеокассеты.

– Старина Том все еще в кабинете Джорджа Акройда, за компьютером.

Акرويد возглавлял проект «Волшебник». Бобби посмотрел на правый дисплей, воспроизводящий картинку, которую Расмуссен видел на компьютере Акройда. Он только что скопировал на дискету последний файл «Волшебника».

Расмуссен выключил компьютер в кабинете Акройда.

Одновременно погас правый дисплей в фургоне Бобби.

– Он закончил, – продолжил Бобби. – Теперь у него вся информация.

– Червяк, – фыркнула Джулия. – Должно быть, очень доволен собой.

Бобби повернулся к левому дисплею, чуть наклонился вперед, наблюдая черно-белое изображение Расмуссена, сидящего за столом Акройда.

– Думаю, он улыбается.

– Мы сотрем улыбку с его физиономии.

– Давай поглядим, что он будет делать дальше. Хочешь пари? Он останется до конца смены, чтобы спокойно уйти утром... или смоемся прямо сейчас?

– Сейчас, – ответила Джулия. – Или в самое ближайшее время. Слишком велик риск, что утром его возьмут вместе с дискетами. Он уйдет, пока в здании никого нет.

– Пари не будет. Думаю, ты права.

Изображение на дисплее дернулось, сместилось, но Расмуссен не поднялся со стула Акройда. Наоборот, откинулся на спинку, словно очень устал. Зевнул, потер глаза ладонями.

– Похоже, он отдыхает, набирается энергии, – прокомментировал Бобби.

– Давай послушаем еще какую-нибудь композицию, ожидая, когда же он уйдет.

– Дельная мысль. – Бобби дал команду проигрывателю сиди: – Звучит музыка. – И в наушниках слышались первые такты композиции Гленна Миллера «Под настроение».

Дисплей показал, что Том Расмуссен поднялся со стула

в тускло освещенном кабинете Акройда. Снова зевнул, потянулся, пересек кабинет, остановился у одного из больших окон, посмотрел вниз, на Майклсон-драйв, ту самую улицу, на которой стоял фургон Бобби.

Если бы Бобби открыл заднюю дверцу и высунулся из фургона, то, скорее всего, увидел бы Расмуссена, стоящего у окна на третьем этаже и смотрящего в ночь. Его силуэт подсвечивался бы лампой, которая горела на столе Акройда. Но Бобби остался на месте, его вполне устраивала картинка дисплея.

Оркестр Миллера продолжал играть «Под настроение», громкость виртуозно варьировалась, то сходила на нет, то набирала мощь...

В кабинете Акройда Расмуссен наконец-то отвернулся от окна, посмотрел в объектив камеры, установленной на стене под самым потолком. Создавалось ощущение, что он смотрит прямо на Бобби, зная, что его видят. Подошел к камере на несколько шагов, улыбнулся.

– Музыка смолкла, – отдал команду Бобби, и оркестр Миллера мгновенно замолчал. – Что-то тут не так... – Последнее предназначалось для ушей Джулии.

– Проблемы?

Расмуссен остановился под камерой, по-прежнему лыбясь в объектив. Из нагрудного кармана форменной рубашки достал сложенный лист бумаги, развернул и поднял к камере. Послание состояло из двух слов, отпечатанных на лазерном

принтере большими черными буквами: «ПРОЩАЙ, ГОВ-
НЮК».

– Это точно, – ответил Бобби Джулии.

– Серьезные?

– Не знаю.

Но через мгновение уже знал: ночную тишину прорезали автоматные очереди. Он слышал их даже через наушники: бронебойные пули пробивали борта его фургона.

Джулия тоже услышала выстрелы.

– Бобби, нет!

– Сматывайся отсюда, крошка! Беги!

Произнося эти слова, Бобби уже срывал с головы шлемофон и скатывался со стула, а упав, постарался как можно плотнее вжаться в пол.

Глава 3

Фрэнк Поллард бежал, с улицы на улицу, из проулка в проулок, иногда пересекая лужайки у темных домов. В одном дворе его облаяла большая черная собака с желтыми глазами, даже успела ухватить за штанину, когда он перелезал через забор. Сердце стучало, как паровой молот, горло саднило, – похоже, оно воспалилось от холодного, сухого воздуха, который он раз за разом набирал в легкие через открытый рот. Ныли ноги. Дорожная сумка оттягивала правую руку, словно набитая железом, боль пульсировала в запястье и плечевом суставе. Но он не решался остановиться и передохнуть, не решался даже оглянуться, потому что чувствовал: что-то чудовищное преследует его по пятам, существо, которому не нужен отдых, которое может превратить его в камень, если он решится взглянуть на него.

Фрэнк пересек авеню, в этот поздний ночной час совершенно пустую, поспешил к другому жилому комплексу. Через ворота попал еще в один двор, середину которого занимал пустой плавательный бассейн с потрескавшимся дном.

Ни одна лампа не освещала двор, но глаза Фрэнка уже привыкли к темноте, и он вовремя заметил бассейн, чтобы не свалиться в него. Он искал убежище. Может, подошла бы прачечная жилого комплекса, если бы он смог взломать замок и укрыться внутри.

Убегая от неведомого преследователя, он открывал все новую информацию о себе. Выяснилось, что весит он на тридцать или сорок фунтов больше, чем следовало, а его физическая форма оставляет желать лучшего. Он жадно хватал ртом воздух, одновременно отчаянно пытаясь что-то придумать, найти спасительный ход.

Спеша мимо дверей первого этажа, он заметил, что некоторые из них открыты, висят на частично вырванных из дверных коробок петлях. Потом увидел трещины в стеклах одних окон, дыры – в других, обнаружил, что кое-где высажены даже рамы. Трава полностью высохла, превращаясь в пыль, когда он придавливал ее ногой, кусты завяли, единственная пальма наклонилась под каким-то странным углом. Этот жилой комплекс терпеливо дожидался, когда же его снесут и на этом месте построят новый, более современный и комфортабельный.

Миновав двор, он оказался рядом с крошащейся бетонной лестницей. Оглянулся. Преследователя не увидел. Тяжело дыша, поднялся на балкон второго этажа, стал переходить от квартиры к квартире, пока не нашел незапертую дверь. Жутко закрипели несмазанные петли. Он переступил порог. Потянул дверь за собой.

В квартире царила чернильно-черная тьма, в которой проступали лишь серые силуэты окон.

Он прислушался.

Полнейшая тишина составляла компанию крошечной

тьме.

Очень осторожно Фрэнк двинулся к ближайшему окну, которое выходило на балкон и во двор. В раме остались лишь несколько фрагментов стекла, осколки хрустели и звякали под ногами. Фрэнк еще более замедлил шаг, чтобы как можно меньше шуметь.

У окна остановился, вновь прислушался.

Тишина.

Словно студеная эктоплазма ленивого призрака, поток холодного воздуха вполз в разбитое окно, зависая на остриях фрагментов стекла, оставшихся в раме.

Дыхание Фрэнка превращалось в пар, струйки которого белели в темноте.

Тишина длилась десять секунд, двадцать, минуту.

Может, ему удалось удрать.

Он уже собрался отвернуться от окна, когда снаружи донесли шаги. С дальнего конца двора. С дорожки, что вела с улицы. Ботинки с жесткой подошвой. Каждый шаг по бетонной дорожке гулко отдавался от оштукатуренных стен соседних домов.

Фрэнк застыл, дыша через рот, словно опасался, что слух у преследователя не хуже, чем у уличного кота.

Войдя во двор, незнакомец остановился. Стоял долго, прежде чем двинуться дальше, эхо от шагов маскировало сами шаги. Вроде бы теперь он шел медленнее, огибая бассейн, к лестнице, по которой поднялся Фрэнк, ведущей на второй

этаж заброшенного жилого комплекса.

И эти шаги очень уж напоминали тиканье часов палача, установленных на гильотине, отсчитывающих последние секунды до того момента, когда нож должен начать свое падение.

Глава 4

Словно живой, «додж» взвизгивал всякий раз, когда пуля пробивала металлическую стену, и ран все прибавлялось, не по одной – десятками. Яростный огонь не прекращался, стрельба велась как минимум из двух автоматов. И пока Бобби Дакота лежал на полу, стараясь привлечь к себе внимание Господа истовой молитвой, стены фургона быстро превращались в решето, осыпая его кусочками металла. Один из дисплеев уже взорвался, второй вместе со всеми индикаторными лампочками потух, но в заднем отсеке фургона не воцарилась темнота. Он освещался янтарными, зелеными, алыми или серебряными искрами, которые бронебойные, в стальных кожухах пули вышибали из электронного оборудования. Они насквозь пробивали корпуса, разносили платы. На Бобби падали не только кусочки металла, но и осколки стекла, деревянные щепки, ошметки пластика, клочки бумаги. Весь этот мусор пулями поднимало в воздух, а уж потом он валился на Бобби. Но больше всего его донимал шум. Создавалось ощущение, что он находится в пустой железной бочке, а десяток здоровенных байкеров, накурившихся травки и обдолбанных, барабанят по этой бочке монтировками, действительно здоровенных байкеров, с могучими мышцами, толстыми шеями, заросшими бородой лицами, с вытатуированными на бицепсах черепами, огромных, как Тор, бог

викингов, но со сверкающими, безумными глазами.

У Бобби было очень богатое воображение. Он всегда считал, что богатое воображение – одно из главных его достоинств. Но сейчас он и представить себе не мог, как выбрать-ся из этой передраги.

С каждой уходящей секундой он все более удивлялся тому, что до сих пор в него не вонзилась ни одна пуля. Да, он вжимался в пол, расползался по нему, пытался представить себе, что он совсем не человек, а ковер и толщина его тела какая-то четверть дюйма, так что попасть в такую цель невероятно трудно, но все равно ждал, что ему вот-вот отстрелят зад.

Он не предполагал, что ему может потребоваться оружие: не тот это был случай. По крайней мере, он думал, что не тот. Револьвер тридцать восьмого калибра лежал в кабине фургона, в бардачке, но добраться до него у Бобби возможности не было. Впрочем, его это особо и не волновало, потому что толку от револьвера, если в тебя стреляют из двух автоматов, нет никакого.

Огонь прекратился.

После всей этой какофонии разрушения наступила такая глубокая тишина, что Бобби испугался, а не оглох ли он.

В воздухе пахло металлом, разогретым пластиком, сгоревшей изоляцией... и бензином: как минимум одна из пуль пробила бак. Двигатель все еще работал, из разбитого электронного оборудования летели фонтаны искр, так что шан-

сы Бобби выскочить из объятых пламенем фургона, по его прикидкам, были гораздо меньше шансов выиграть пятьдесят миллионов баксов в лотерее, разыгрываемой властями штата.

Ему чертовски хотелось распахнуть заднюю дверцу и выскочить из фургона, но они могли ждать с автоматами на изготовку и посечь его пулями. С другой стороны, если бы он продолжал вжиматься в пол, рассчитывая, что они посчитали его мертвым и решили обойтись без контрольного выстрела, «додж» мог в любой момент вспыхнуть, как праздничный костер, и скоренько превратить его в головешку.

Он без труда представил себе, как выскакивает из фургона и тут же падает, сраженный десятками пуль, бьется и извивается на асфальте в танце смерти, словно марионетка на спутавшихся веревочках. Но оказалось, что еще легче представить себе, как кожа трескается от жара, как пузырится и дымится плоть, факелом вспыхивают волосы, глаза лопаются, зубы становятся черными от языков пламени, которые сжигают язык, а потом лезут в легкие.

Иногда богатое воображение точно становилось проклятием.

Внезапно воздух так пропитался парами бензина, что у него перехватило дыхание и он начал приподниматься.

Снаружи кто-то отчаянно жал на клаксон. Бобби услышал шум приближающегося автомобиля.

Вновь распластался на полу, гадая, что, черт побери, про-

исходит. Гудки становились все громче, автомобиль приближался, и он понял, в чем дело: Джулия. Иногда она становилась природной стихией. Налетала, как ураган, сверкала, как молния на грозовом небе. Он велел ей убираться отсюда, спастись, но она его не послушала. Ему хотелось дать ей хорошего пинка за непослушание, но он слишком любил Джулию, чтобы поднять на нее руку. Или ногу.

Глава 5

Удаляясь от разбитого окна, Фрэнк пытался синхронизировать свои шаги с шагами мужчины внизу, надеясь, что хруст стекла под его кроссовками потонет в шуме шагов невидимого врага. Он предположил, что находится в гостинной квартиры, в которой не было ничего, кроме мусора, оставленного прежними квартиросъемщиками и принесенного через окно ветром. И действительно, он добрался до коридора без лишнего шума, не наткнувшись на что-либо большое и тяжелое.

Торопливо двинулся по коридору, темному, как нора хищника, не отрывая одной руки от стены, с сумкой во второй. Пахло плесенью, сыростью, мочой. Он добрался до входа в другую комнату, продолжил идти, повернул направо через еще одну дверь, направился к разбитому окну. В раме этого окна не осталось ни единого осколка, и выходило оно не во двор, а на освещенную и пустынную улицу.

Что-то зашуршало за спиной.

Он обернулся, уставился в темноту, чуть не вскрикнул.

Но источником этих звуков была всего лишь крыса, пробежавшая вдоль дальней стены по сухим листьям и обрывкам бумаги. Всего лишь крыса.

Фрэнк прислушивался к звукам шагов, но если преследователь и продолжал идти за ним, то шаги его полностью за-

глушались разделившими их стенами.

Он вновь выглянул из окна. Внизу находилась лужайка, выжженная солнцем, наверняка твердая, словно камень. Он сбросил вниз кожаную дорожную сумку, которая с глухим ударом упала на землю. Прыгать с такой высоты Фрэнку совершенно не хотелось, но ничего другого не оставалось. Он залез на подоконник, согнувшись в три погибели, проскользнул под верхней перекладиной оконной рамы, на какие-то мгновения замер на карнизе.

Порыв ветра взъерошил его волосы, погладил прохладой лицо. Но это был обычный ветер, не те сверхъестественные выдохи, сопровождаемые монотонным свистом далекой флейты.

Внезапно за спиной Фрэнка синее пульсирующее сияние из гостиной двинулось в коридор, начало вливаться в дверной проем. За появлением этой световой волны последовал взрыв, от которого содрогнулись стены, а воздух превратился в какую-то плотную субстанцию. Входную дверь квартиры снесло с петель. Он услышал, что она упала на пол гостиной.

Он выпрыгнул из окна, приземлился на ноги. Но не устоял, повалился на сухую траву.

В этот самый момент большой грузовик с полотняными боковыми бортами и деревянным задним огибал угол. Водитель переключил передачу и проехал мимо расселенного дома, не подозревая о присутствии Фрэнка.

Тот вскочил, одной рукой подхватил сумку и выбежал на

улицу. После поворота грузовик еще не успел набрать скорость, поэтому Фрэнку удалось схватиться свободной рукой за задний борт, на ходу оттолкнуться от асфальта, подпрыгнуть и поставить ноги на задний бампер.

Грузовик прибавил скорости, а Фрэнк, оглянувшись, посмотрел на расселенный жилой комплекс. Ни в одном из окон не мерцал загадочный синий свет, все они были темными и пустыми, как глазницы черепа.

На следующем перекрестке грузовик повернул направо, уносясь в сонную ночь.

Совершенно вымотанный, Фрэнк держался за задний борт. Смог бы держаться крепче, если бы бросил кожаную дорожную сумку, но он вцепился в нее мертвой хваткой, полагая, что ее содержимое поможет ему понять, кто он, откуда пришел и от кого бежит.

Глава 6

«Сматывайся!»

Неужели Бобби действительно подумал, что она может убежать в час беды...

«Сматывайся отсюда! Беги!»

Неужели подумал, что так и будет, словно она – послушная жена, а не полноправный партнер в агентстве и чертовски хороший детектив? Неужели он видел в ней слабую женщину, которой в критической ситуации остается только одно – бежать? Ладно, хватит об этом.

Перед ее мысленным взором возникло любимое лицо: веселые синие глаза, широкий приплюснутый нос, щедро рассыпанные по переносице и щекам веснушки, большой рот и густая шапка золотистых волос, практически всегда спутанных, словно у мальчишки, который только что встал после дневного сна. Ей очень хотелось стукнуть его в приплюснутый нос, достаточно сильно, чтобы синие глаза наполнились слезами. Хотя бы для того, чтобы в следующий раз он знал, как разозлило ее его предложение сматываться.

Она несла вахту у заднего фасада здания «Декодайн корпорейшн», в дальнем конце стоянки для автомобилей сотрудников, укрывшись в густой тени раскидистой кроны массивного дерева. В тот самый момент, когда Бобби сообщил о возникших проблемах, она завела двигатель «тойо-

ты». К тому времени, когда услышала в наушниках стрельбу, уже включила передачу, сняла автомобиль с ручника, зажгла фары и вдавила в пол педаль газа.

Поначалу оставила шлемофон на голове, выкрикивая имя Бобби, стараясь получить от него ответ, но слыша только дьявольский грохот. Потом в наушниках воцарилась полная тишина, Джулия больше ничего не слышала, а потому сдержала шлемофон и бросила на заднее сиденье.

«Сматывайся! Черт бы его побрал!»

Добравшись до выезда с автостоянки, она, не снимая правой ноги с педали газа, левой надавила на педаль тормоза, отчего маленький автомобиль боком потащило через дорогу, которая проходила вокруг здания. Повернув руль в том же направлении, куда скользила машина, Джулия еще сильнее надавила на газ. Шины взвизгнули, двигатель взвыл, «тойота» буквально прыгнула вперед.

Они стреляли в Бобби, а Бобби, скорее всего, не мог отстреливаться, потому что ленился всякий раз брать с собой оружие, вооружался, лишь когда знал, что без насилия может не обойтись. Задание, полученное от «Декодайн», выглядело очень даже мирным. Иногда и промышленный шпионаж не обходился без стрельбы, но в данном конкретном случае Плохишом был Том Расмуссен, компьютерный вор и жадный сукин сын, умный, как собака, читающая вслух Шекспира на высоко натянутой проволоке. До сих пор он только крал компьютерные программы, крови на его руках не было. Он

более всего ассоциировался с кротким, как ягненок, банковским клерком, ворующим деньги со счетов клиентов. Так, во всяком случае, о нем думали.

Но Джулия вооружалась, выходя на любое задание. Бобби был оптимистом, она – пессимистом. Бобби ожидал, что люди будут действовать согласно своим интересам и вести себя благоразумно, Джулия придерживалась мнения, что любой вроде бы нормальный человек может быть безумцем и психопатом. Поэтому в бардачке ее машины всегда лежал «смит-вессон», а под передним сиденьем – автомат «узи». Судя по тому, что она слышала в наушниках до того, как оборвалась связь, на этот раз ей предстояло браться за «узи».

«Тойота» практически пролетела мимо угла здания «Декодайн», и Джулия резко вывернула руль влево, бросив автомобиль на Майклсон-драйв. Два колеса оторвались от асфальта, она едва не потеряла контроль над автомобилем, но все обошлось. Перед собой она увидела фургон «додж» Бобби, припаркованный у тротуара перед зданием, и еще один фургон, темно-синий «форд». Этот остановился посреди улицы, с распахнутыми дверцами кабины.

Двое мужчин, которые, очевидно, приехали на «форде», стояли в четырех или пяти ярдах от «доджа», с такой яростью поливая его свинцом, словно не просто стремились добраться до мужчины, который находился в заднем отсеке, а испытывали особую неприязнь к этому конкретному «доджу». Они перестали стрелять, повернулись к ней, как толь-

ко она вырулила с подъездной дороги на Майклсон-драйв, и торопливо заменили использованные рожки на новые.

В идеале ей следовало максимально сократить стоярдовую дистанцию между ней и мужчинами, развернуть «тойоту» поперек улицы и, используя автомобиль как прикрытие, прострелить колеса «форда» и дожидаться прибытия полиции. Но времени на такие маневры у нее не было. Они уже поднимали автоматы.

Она удивилась, какими пустынными выглядели в этот ночной час улицы в самом центре огромного мегаполиса. Ни единого автомобиля, только желтый, оттенка мочи, свет натриевых ламп уличных фонарей. Но они находились в деловом районе, застроенном банками и административными зданиями, где не было жилых домов, а ближайшие бары или рестораны располагались как минимум в двух кварталах отсюда. Так что людей в непосредственной близости от здания «Декодайн корпорейшн» было не больше, чем в городе на Луне или в мире, на который обрушилась эпидемия смертельной болезни, оставившая после себя лишь горстку выживших.

В сложившейся ситуации, противостоя двум автоматчикам, она не могла действовать согласно инструкциям, не могла рассчитывать на помощь со стороны, поэтому приняла решение, которого они ожидали меньше всего: превратилась в камикадзе, ее оружием стал автомобиль.

Полностью вернув себе контроль над «тойотой», она до

предела вдавила в пол педаль газа и ракетой полетела на двух мерзавцев. Они открыли огонь, но она уже соскользнула с сиденья вниз и чуть вправо, стараясь не высовываться из-за приборного щитка и при этом крепко держать руль, чтобы направление движения оставалось неизменным. Пули со звоном врезались в капот, рикошетом отлетали в стороны. Вдребезги разлетелось лобовое стекло. А мгновением позже «тойота» врезалась в одного из бандитов. От удара голову Джулии бросило вперед, на руль. Лоб расколо над правой бровью, зубы едва не выбило, от боли потемнело в глазах. Бандита подбросило вверх, он упал на капот.

Со лба потекла кровь, мешая видеть. Джулия чуть придала педаль тормоза и одновременно заползла обратно на сиденье. Убитый бандит застрял в проеме лобового стекла. Лицо его находилось напротив руля. Выбитые зубы, разбитые губы, рваные раны на подбородке и щеках, вытекший левый глаз. Сломанная нога свисала в салон с приборного щитка.

Джулия изо всех сил нажала на педаль тормоза. От резкого торможения мертвеца вышвырнуло из проема лобового стекла. Тело заскользило по капоту, а когда «тойота», дернувшись, застыла, свалилось вниз.

С гулко бьющимся сердцем, отчаянно моргая, чтобы не дать крови залить правый глаз, Джулия вытащила «узи» из-под переднего сиденья, распахнула дверцу и, согнувшись, выскочила из машины.

Второй бандит уже сидел за рулем синего «форда». Он нажал на педаль газа до того, как включил передачу, так, что двигатель дико взвыл.

Джулия дала две короткие очереди, пробив колеса с обращенной к ней стороны фургона.

Но бандита это не остановило. Он включил передачу и попытался уехать, невзирая на два спущенных колеса.

Этот парень мог убить Бобби, а теперь собирался удрать. И его, возможно, никогда не найдут, если Джулия даст ему уйти.

С неохотой она приподняла «узи» и длинной очередью, выпустив все патроны, изрешетила боковое стекло кабины. «Форд» набрал скорость, потом внезапно сбросил ее, фургон повело вправо, он заехал на тротуар и остановился.

Из кабины никто не вышел.

Не выпуская из поля зрения «форд», Джулия пошарила рукой под передним сиденьем, нашла запасной магазин, вставила в автомат, крадучись подошла к «форду», потянула на себя дверцу кабины. Но осторожность была излишней, потому что за рулем сидел мертвец.

Она тут же отвернулась от «форда» и поспешила к «дождю», в белом борту которого чернели десятки пробоин. Сквозь шелест ветра в кронах деревьев до нее долетало тихое урчание работающего на холостых оборотах двигателя. И тут же она унюхала запах бензина и крикнула: «Бобби!»

Еще до того, как Джулия успела добежать до белого фур-

гона, задние дверцы со скрипом распахнулись, и на асфальт спрыгнул Бобби, весь в кусочках металла, ошметках пластика, осколках стекла, деревянных щепках, клочках бумаги. Он жадно хватал ртом воздух, очищая легкие от паров бензина, которые, должно быть, в изрядном количестве скопились в заднем отсеке «доджа».

Издали донесся вой сирен.

Вместе они быстро отошли от белого фургона. И вовремя. От «доджа» их отделял лишь десяток шагов, когда из заднего отсека вырвалось оранжевое пламя, вспыхнул разлитый по мостовой бензин, и тут же фургон превратился в огромный костер. Они отошли еще дальше, остановились на безопасном расстоянии, какое-то время смотрели на горящий автомобиль, потом повернулись друг к другу.

– Ты вся в крови, – заметил он.

– Чуть ободрала лоб.

– Правда?

– Сущий пустяк. Как ты?

Он глубоко вдохнул:

– В порядке.

– Точно?

– Да.

– Не ранен?

– Цел и невредим. Это какое-то чудо.

– Бобби?

– Что?

- Если бы тебя здесь убили, я бы этого не пережила.
- Меня не убили. Я прекрасно себя чувствую.
- Слава богу.

И ударила его в правую голень.

- Ой! Ты чего?

Она ударила его по левой голени.

- Джулия, черт бы тебя побрал!
- Разве ты не велел мне сматываться отсюда?
- Что?
- Я твой полноправный партнер во всех смыслах этого

слова.

- Но...

- Я умна, как ты, быстра, как ты...

Он глянул на труп, лежащий под передними колесами «тойоты», на второй – в кабине «форда».

- Это точно, крошка.

- ...решительна, как ты...

- Знаю, знаю. Только не нужно больше меня пинать.

- А что Расмуссен? – спросила она.

Бобби посмотрел на здание «Декодайн корпорейшн».

- Ты думаешь, он все еще там?

– Единственный выезд с автомобильной стоянки – на Майклсон-драйв. Он не выезжал, а потому, если только не решил удрать на своих двоих, наверняка в здании. Мы должны взять его до того, как он выскользнет из западни вместе с дискетами.

– На дискетах все равно нет ничего ценного, – напомнил Бобби.

В «Декодайн» знали о Расмуссене с того самого момента, как он поступил на работу: частное детективное агентство «Дакота-и-Дакота инвестигейшнс», которое по контракту проверяло всех желающих поработать в службе безопасности компании, смогло установить, что документы у хакера поддельные. Руководство «Декодайн» решило подыграть Расмуссену, чтобы установить, для кого он вознамерился добыть файлы «Волшебника». Они собирались подать в суд на тех, кто нанял Расмуссена, не сомневаясь, что за хакером стоит их основной конкурент. Они позволили Расмуссену думать, что ему удалось обмануть камеры слежения, хотя на самом деле он находился под постоянным наблюдением. Они также позволили ему взломать все коды и получить доступ к интересующей его информации, но при этом ввели в файлы секретные инструкции, о чем он знать не мог, которые гарантировали, что при копировании с жесткого диска на дискеты содержимое файлов превращается в никому не нужную белиберду.

Огонь ревел, пожирая все те части фургона, которые могли гореть. Джулия наблюдала, как отражения языков пламени пляшут на стеклянных стенах банка, расположенного на другой стороне улицы, подсвечивают темные окна здания «Декодайн».

– Мы думали, он не сомневался, что сумел перепрограм-

мировать камеры слежения. – Она чуть возвысила голос, чтобы перекрыть рев огня и нарастающий вой сирен. – А на самом деле он знал, что мы следим за ним.

– Точно знал.

– Тогда ему могло хватить ума поискать директиву, запрещающую копирование, и обойти ее.

Бобби нахмурился:

– Ты права.

– Поэтому вполне возможно, что на дискетах у него все файлы «Волшебника».

– Черт, я не хочу туда идти. Сколько можно за одну ночь подставляться под пули?

Патрульная машина вырулила на Майклсон-драйв в двух кварталах от них и помчалась к ним, в вое сирены перемигиваясь сине-красными огнями.

– Вон едут профессионалы, – ответила Джулия. – Почему бы нам не отойти в сторону? Пусть теперь поработают они.

– Нас наняли на эту работу. Мы взяли на себя определенные обязательства. Честь частного детектива – это святое, ты знаешь. Что подумает о нас Сэм Спейд?

– Сэм Спейд может катиться ко всем чертям.

– Что подумает о нас Филип Марлоу?²

– Филип Марлоу может катиться ко всем чертям.

– Что подумает о нас наш клиент?

² Сэм Спейд, Филип Марлоу – частные детективы, герои циклов произведений соответственно Дэшила Хэммета и Раймонда Чандлера.

- Наш клиент может катиться ко всем чертям.
- Дорогая, ну почему так грубо?
- Иногда может сорваться и такая утонченная дама, как я.
- В том, что ты утонченная дама, никто и не сомневается.

Черно-белый автомобиль остановился около них, вторая патрульная машина выскочила из-за угла следом, третья появилась на Майклсон-драйв с противоположной стороны.

Джулия положила «узи» на асфальт и подняла руки, чтобы избежать досадных случайностей.

- Я действительно рада, что ты жив, Бобби.
- Ты снова собираешься меня пнуть?
- Не сейчас.

Глава 7

Фрэнк Поллард, держась за задний борт, проехал девять или десять кварталов, не привлекая к себе внимания водителя. По пути увидел рекламный щит, приветствующий его в городе Анахайме, и понял, что находится в Южной Калифорнии, хотя по-прежнему понятия не имел, жил ли он в этом городе или приехал в него издалека. Более того, он не знал, какое сегодня число, какой месяц. Дрожа всем телом, он спрыгнул с грузовика, когда тот сбросил скорость, поворачивая на дорогу, ведущую к складам. Огромные металлические здания, некоторые сверкающие свежей краской, другие ржавые, одни купающиеся в свете ярких ламп, вторые темные, высились на фоне звездного неба.

С дорожной сумкой в руке он зашагал прочь от складов. В этом районе вдоль улиц стояли обшарпанные бунгало. Во многих местах кусты и деревья переплелись, с пальм свисали выюны, те же выющиеся растения закрывали не только стены, но и крыши домов, изгороди между участками. Шел он бесшумно, спасибо мягким подошвам кроссовок, тень его удлинялась, когда он уходил от фонарного столба, и ложилась позади, постепенно сокращаясь, когда он приближался к следующему.

У тротуаров и на подъездных дорожках стояли автомобили, в основном старых моделей, некоторые ржавые, другие

побитые, и он без труда мог завести двигатель любого, пусть ключей у него и не было. Однако обратил внимание на граффити молодежных банд латиносов, нанесенные фосфоресцирующими красками на заборы и стены некоторых домов, и подумал, что не стоит пытаться угнать машину, которая может принадлежать одному из членов такой банды. Эти ребята не будут звонить в полицию, если поймают тебя на месте преступления. Просто пустят тебе пулю в лоб или полоснут ножом по шее. Фрэнку и так хватало хлопот, он вполне мог обойтись без дыры в голове и без разреза от уха до уха, а потому продолжал идти.

Отшагав двенадцать кварталов, оказавшись среди ухоженных домов и новеньких автомобилей, он начал подыскивать себе средство передвижения. Выбор его пал на зеленый «шеви», припаркованный под уличным фонарем, с незапертыми дверцами. Ключи лежали под водительским сиденьем.

С намерением максимально увеличить расстояние между собой и заброшенным жилищным комплексом, где он в последний раз столкнулся с неведомым преследователем, Фрэнк погнал «шеви» вперед. Добравшись до Бристоль-авеню, повернул на юг, к Коста-Месе, удивленный тем, что улицы ему знакомы. Вроде бы он прекрасно знал этот район. Узнавал дома, торговые центры, скверы, которые проплывали мимо, хотя их вид не позволял вспомнить что-то еще. Он по-прежнему понятия не имел, кто он, где жил, чем зарабатывал на жизнь, от кого бежал, почему пришел в себя в темном

проулке глубокой ночью.

Даже в такой час, в 2:48, если верить часам на приборном щитке автомобиля, на автостраде он мог нарваться на машину дорожной полиции, а потому оставался на прибрежных улицах, что в Коста-Месе, что на восточных и южных окраинах Ньюпорт-Бич. В Корона-дель-Мар он выехал на Тихоокеанскую автостраду и по ней направился в Лагуна-Бич. С полицией не встретился, зато попал в туман, который с продвижением на юг становился все гуще.

Лагуна-Бич, живописный курорт и прибежище творческого люда, расположился на склонах холмов и стенах каньонов, террасами сбегаящих к самому морю. Сейчас городок чуть ли не полностью спрятался в тумане, наползающем с Тихого океана, таком густом, что Фрэнку пришлось сбавить скорость до пятнадцати миль в час.

Зевая, с резью усталости в глазах, он свернул на боковую улицу слева от автострады и припарковался перед темным двухэтажным коттеджем вроде тех, что строили на Кейп-Код³, и, казалось бы, совершенно неуместным на этих склонах Западного побережья. Ему, конечно, хотелось бы снять номер в мотеле, но прежде всего следовало понять, есть ли у него деньги или кредитные карточки. Впервые за ночь у него появилась возможность полазить по карманам в поисках хоть какого-нибудь документа, удостоверяющего его личность. Ни денег, ни карточек, ни документов в карманах

³ *Кейп-Код* – морской курорт на Восточном побережье США.

не оказалось.

Фрэнк зажег лампочку под потолком салона, поставил дорожную сумку на колени, расстегнул молнию. Увидел, что сумка туго набита пачками купюр по двадцать и сто долларов.

Глава 8

Легкий серый туман сгушался на глазах. Ближе к океану, в каких-то двух милях, туман наверняка стал таким густым, что проглотил уличные фонари.

Без куртки, защищенный от ветра только свитером, но согреваемый мыслями о том, что чудом избежал смерти, Бобби привалился к одной из патрульных машин перед зданием «Декодайн корпорейшн» и наблюдал, как Джулия нервно ходила взад-вперед, засунув руки в карманы коричневого кожаного пиджака. Он не уставал смотреть на нее. Они поженились семью годами раньше и все это время жили, работали и развлекались вместе, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Бобби не относился к тем людям, которые любят проводить время с приятелями в баре или на стадионе, возможно, потому, что не так-то просто найти парней, которые в тридцать пять лет интересовались бы тем же, что и он: оркестровой музыкой, искусством 1930–1940-х годов, классическими диснеевскими комиксами. И Джулия не встречалась за ланчем с подругами, потому что не многих тридцатилетних женщин привлекали эра больших оркестров, мультфильмы киностудии «Уорнер бразерс», приемы рукопашного боя, повышение меткости стрельбы из огнестрельного оружия. Несмотря на то что они проводили вместе так много времени, Бобби и Джулия никогда не ску-

чали в компании друг друга, и для него она оставалась самой удивительной и привлекательной женщиной на белом свете.

– Чего они так долго возятся? – Джулия глянула на теперь уже освещенные окна здания «Декодайн корпорейшн», яркие прямоугольники в пелене тумана.

– Имей терпение, дорогая. Они не такие шустрые, как Дакота и Дакота. Это же обычный спецназ.

Майклсон-драйв блокировали с обоих концов. Восемь полицейских автомобилей, патрульных и фургонov, рассредоточились на улице. В тишине холодной ночи слышался треск атмосферных помех и металлические голоса, вырывающиеся из полицейских радиостанций. Один коп сидел за рулем ближайшей патрульной машины. Другие стояли с обоих концов квартала, еще двое расположились у дверей «Декодайн». Остальные находились внутри, искали Расмуссена. Одновременно сотрудники полицейской лаборатории и службы коро-нера фотографировали поле боя, что-то замеряли, увозили тела бандитов.

– А если он сможет сбежать с дискетами? – спросила Джулия.

– Не сможет.

Она кивнула:

– Конечно. Я знаю, о чем ты думаешь. «Волшебник» разрабатывался в закрытой компьютерной сети, без выходов за пределы «Декодайн». Но у корпорации есть и другая сеть, с модемами и всем остальным. Что, если он отправился с дис-

кетами к одному из компьютеров этой сети и переправил всю информацию по телефону?

– Ничего у него не выйдет. Вторая система, с выходами в другие сети, кардинально отличается от первой, той, в рамках которой создавался «Волшебник». Они несовместимы.

– Расмуссен умен.

– Специальные блокираторы отключают вторую систему на ночь.

– Расмуссен умен, – повторила она.

И продолжила вышагивать взад-вперед.

Ссадина на лбу, результат контакта с рулем, более не кровоточила, но еще влажно блестела. Лицо она вытерла бумажными салфетками, но пятнышки запекшейся крови, напоминавшие синяки, остались над правым глазом и пониже правой скулы. Всякий раз, когда взгляд Бобби падал на эти пятнышки или на ссадину, у него щемило сердце от осознания того, что могло случиться с ней, с ними обоими.

Рана и кровь на щеке только подчеркивали ее красоту, показывали, какая она хрупкая, как ее следовало беречь. Джулия была красавицей, хотя Бобби понимал, что его глаза находят в ней куда больше достоинств, чем любые другие, и его это вполне устраивало, потому что именно этими глазами он мог смотреть на нее. Ее каштановые волосы оставались густыми и пышными, пусть влажный ночной воздух и старался лишить их привычной пышности. Широко посаженные глаза цвета молочного шоколада, гладкая загорелая кожа цве-

та кофейного мороженого, чувственный рот, для него всегда сладкий на вкус... Когда он наблюдал за ней, занятой своими мыслями и не замечающей его пристального взгляда, когда находился вдали от нее и мог видеть только мысленным взором, он всегда сравнивал ее с чем-то съедобным: шоколадом, кофе, мороженым, сахаром, маслом. Его это забавляло, но при этом он знал, чем объясняются такие сравнения: она напоминала ему еду, потому что поддерживала в нем жизнь даже больше, чем еда.

Возникшая суэта у входа в здание «Декодайн», в шестидесяти футах от них, привлекла внимание сначала Джулии, потом Бобби. Кто-то из спецназовцев вышел из дверей и что-то сказал полицейским. Через несколько мгновений один из них помахал рукой Джулии и Бобби, предлагая им подойти.

– Они нашли Расмуссена, – сообщил он им, когда они поднялись по ступенькам, ведущим к двери. – Вы хотели поговорить с ним, убедиться, те ли при нем дискеты?

– Да, – кивнул Бобби.

– Несомненно, – добавила Джулия хрипловатым голосом, в котором, однако, не было никакой сексуальности, одна су-ровость.

Глава 9

Оглядываясь по сторонам, опасаясь появления ночного полицейского патруля, Фрэнк Поллард вытаскивал пачки денег из дорожной сумки и раскладывал на переднем сиденье. Насчитал пятнадцать пачек с двадцатками и одиннадцать – с сотенными. Поскольку каждая пачка, судя по толщине, состояла из сотни купюр, получалось, что в сумке лежало сто сорок тысяч долларов. Он понятия не имел, откуда взялись эти деньги и принадлежат ли они ему.

В первом из двух маленьких отделений на молнии его ждал еще один сюрприз: бумажник, в котором не было ни денег, ни кредитных карточек, но зато лежали два важных идентификационных документа, карточка социального страхования и водительское удостоверение, выданное в штате Калифорния. Обнаружился в бумажнике и паспорт гражданина США. На фотографиях в паспорте и на водительском удостоверении был изображен один и тот же мужчина: возраст тридцать с небольшим, каштановые волосы, круглое лицо, большие уши, карие глаза, легкий на улыбку, ямочки на щеках. Осознав, что забыл, как выглядит, Фрэнк наклонил зеркало заднего обзора, увидел, что его лицо соответствует фотографиям паспорта и водительского удостоверения. Смущало другое... паспорт и водительское удостоверение выдали Джеймсу Роуману, не Фрэнку Полларду.

Он расстегнул молнию второго отделения, нашел там карточку социального страхования, водительское удостоверение, выданное в штате Калифорния, и паспорт. Все на имя Джорджа Фарриса. Но с фотографиями Фрэнка.

Джеймс Роуман, это имя и фамилия ничего ему не говорили.

Как и Джордж Фаррис.

Впрочем, и Фрэнк Поллард, коим он себя полагал, был всего лишь именем и фамилией, потому что он не мог вспомнить прошлое этого человека.

— Так в какую же, черт побери, историю я вляпался? — спросил он вслух. Ему требовалось услышать собственный голос, чтобы убедить себя, что он не призрак, отказывающийся покинуть этот мир после того, как смерть оборвала существование его физического тела.

Туман сгущался, отсекая окружающую его ночь, и Фрэнк особенно остро ощутил свое одиночество. Он не знал, к кому обратиться, где найти убежище, обрести безопасность. Человек без прошлого, конечно же, был и человеком без будущего.

Глава 10

Когда Бобби и Джулия в сопровождении одного из полицейских, Макграта, вышли из лифта на третьем этаже, Джулия сразу увидела Тома Расмуссена, сидящего на серых виниловых плитках пола, привалившись спиной к стене. Запястья его стягивали наручники, лодыжки – ножные кандалы. Он дулся. Расмуссен пытался украсть программное обеспечение стоимостью в десятки, если не в сотни миллионов долларов, из окна кабинета Джорджа Акройда он хладнокровно отдал приказ убить Бобби, но сейчас дулся, как ребенок, потому что его поймали. Лицо сморщилось, нижняя губа оттопырилась, желтовато-карие глаза влажно блестели, словно он мог расплакаться, если бы кто-то сказал ему грубое слово. От одного его вида Джулия пришла в ярость. Ей ужасно хотелось пнуть его в лицо, чтобы выбитые зубы оказались в желудке и он смог еще раз пережевать ужин.

Коп нашел его в чулане-кладовой. Он пытался укрыться за ящиками, выстроив из них стенку перед дверью. Вероятно, он так и остался бы у окна Акройда, наблюдая за расстрелом «доджа», и появление Джулии на «тойоте» стало для него неприятным сюрпризом. Она приехала на стоянку «Декодайн» прошлым днем, задолго до наступления темноты, припарковалась в дальнем конце, в тени деревьев, где никто не обратил на нее внимания. Вместо того чтобы пуститься

в бегство в тот самый момент, когда Джулия переехала первого бандита, Расмуссен остался на месте, не в силах оторваться от захватывающего дух зрелища. А потом услышал сирены и понял, что его единственный шанс – спрятаться, в надежде, что обыск будет проведен небрежно и копы решат, что он успел покинуть здание до их приезда. В мире компьютеров Расмуссен был гением, но в реальном мире, где иной раз на принятие решения отпускались доли секунды, сплеховал.

Двое вооруженных до зубов копов стерегли его. Но поскольку он сидел, сжавшись в комок, дрожал всем телом и едва не плакал, выглядели они довольно-таки нелепо, в бронжилетах, с автоматами в руках, злобно щурясь от яркого флуоресцентного света.

Одного из них Джулия знала. Сэмпсон Гарфусс служил с ней в управлении шерифа до того, как перешел в спецназ. Собственно, там ему было самое место, здоровенному, высокому, широкоплечему. В руке он держал коробочку с четырьмя дискетами. Показал их Джулии.

– Он пришел за этим?

– Возможно. – Она взяла у него коробочку. Потом дискеты перекочевали к Бобби.

– Мне нужно спуститься на один этаж, – сказал он, – в кабинет Акройда, включить компьютер, вставить дискеты в дисковод и посмотреть, что на них.

– Валяй, – ответил Сэмпсон.

– Тебе придется сопровождать меня. – Бобби повернулся к Макграту, который вместе с ними поднялся на третий этаж. – Наблюдать за мной, следить, чтобы я только просмотрел дискеты, ничего с них не стирал, ничего на них не копировал. – Он указал на Расмуссена. – А не то эта крыса скажет, что дискеты были пустыми, а я подставил его, что-то на них скопировав.

Когда Бобби и Макграт вошли в кабину одного из лифтов, чтобы спуститься на второй этаж, Джулия присела на корточки перед Расмуссеном:

– Ты знаешь, кто я?

Расмуссен смотрел на нее и молчал.

– Я – жена Бобби Дакоты. Бобби находился в фургоне, который расстреляли твои головорезы. Ты пытался убить моего Бобби.

Он опустил голову, уставился на скованные наручниками запястья.

– Ты знаешь, что мне хочется с тобой сделать? – Она протянула руку к его лицу, пошевелила пальцами с ухоженными, покрытыми лаком ногтями. – Для начала схватить тебя за шею, прижать голову к стене и вонзить парочку этих острых ногтей тебе в глаза глубоко-глубоко, чтобы они достали до твоего гребаного мозга, а потом повертеть их там, чтобы ты уже больше никогда не смог придумать что-либо такое же гнусное.

– Господи, – выдохнул напарник Сэмпсона, Бурдок, тоже

здоровяк, но уступающий габаритами Гарфуссу.

– У него так завернуты мозги, что тюремный психиатр все равно ему не поможет, – добавила она.

– Только без глупостей, Джулия, – предупредил ее Сэмпсон.

Расмуссен на мгновение встретился с ней взглядом, чтобы понять, какая ее распирает ярость, и, конечно же, перепугался. Лицо его побледнело как полотно.

– Уберите от меня эту безумную суку! – взвизгнул он.

– Она не безумная, – ответил ему Сэмпсон. – Если оперировать медицинскими критериями, точно не безумная. Боюсь, сейчас очень трудно признать кого-либо безумцем. Вы знаете, всех так заботят права граждан. Нет, не могу сказать, что она безумная.

– Премного тебе благодарна, Сэмпсон. – Джулия не отрывала взгляда от Расмуссена.

– Ты, наверное, заметила, что я не высказался по второй части его обвинений, – добродушно пробасил Сэмпсон.

– Да, я тебя поняла.

У каждого человека есть особый страх, личный страх, спрятанный в глубинах подсознания, и Джулия знала, чего Расмуссен боялся больше всего на свете. Не высоты. Не замкнутого пространства. Не толпы, кошек, полета, насекомых, собак или темноты. Детективное агентство «Дакота-и-Дакота» за последние недели собрало на Расмуссена толстое досье, и по ходу этого расследования выяснилось, что

Расмуссен жутко боится ослепнуть. В тюрьме он каждый месяц требовал, чтобы ему проверяли зрение, заявляя, что стал хуже видеть, периодически сдавал кровь на анализ, чтобы убедиться, что не болен сифилисом, диабетом и другими заболеваниями, которые без должного лечения приводили к слепоте. Вне тюрьмы, а он уже отсидел два срока, Расмуссен каждый месяц посещал окулиста в Коста-Месе.

По-прежнему сидя на корточках перед Расмуссеном, Джулия второй рукой ухватила за его подбородок. Тот попытался вырваться, но куда там. Джулия повернула его голову к себе, ногтями двух пальцев другой руки прошлась по его щеке, оставляя красные полосы, но не вдавливая их так сильно, чтобы брызнула кровь.

Он заверещал, попытался ударить ее скованными руками, страх лишил его силы, цепь, соединяющая наручники с ножными кандалами, не позволила дотянуться до Джулии.

– Что ты вытворяешь, черт бы тебя побрал?

Она развела два пальца, которыми его царапала, нацелилась на глаза, но сдержала руку, ногти замерли в двух дюймах от глаз.

– Мы с Бобби вместе восемь лет, семь лет муж и жена, и это были лучшие годы моей жизни, а тут появляешься ты и думаешь, что можешь раздавить его, как раздавил бы жука.

Пальцы двинулись вперед. Расстояние до глаз сократилось до полутора дюймов, до дюйма.

Расмуссен попытался отпрянуть. Но куда там. Затылок

упирался в стену. Деваться было некуда.

От острых кончиков ногтей глаза отделяли какие-то полдюйма.

– Это полицейская жестокость.

– Я не коп.

– Они – копы. – Он перевел взгляд на Сэмпсона и Бурдока. – Уберите от меня эту суку, а не то я вас засужу.

Остриями ногтей она похлопала его по ресницам. Теперь он смотрел на нее. Дыхание стало учащенным, его прошиб пот.

Она вновь коснулась ногтями его ресниц, улыбнулась.

Зрачки желто-карих глаз стали огромными.

– Вам бы, мерзавцам, лучше меня послушать. Клянусь Богом, я вас засужу, вы оба вылетите из полиции, к чертовой матери...

Опять она хлопнула его по ресницам. Расмуссен плотно закрыл глаза.

– ...с вас снимут форму и отберут полицейские жетоны, вас бросят в тюрьму, а вы знаете, каково в тюрьме бывшим копам, вас будут бить смертным боем, изнасилуют! – Он сорвался на визг.

Глянув на Сэмпсона, чтобы убедиться в его молчаливом одобрении своих действий, глянув на Бурдока, который нервничал больше Сэмпсона, но еще мог какое-то время потерпеть, Джулия прижала острия ногтей к векам Расмуссена.

Он лишь попытался еще крепче закрыть глаза.

Она надавила сильнее.

– Ты хотел отнять у меня Бобби, поэтому я отниму у тебя твои глаза.

– Ты чокнулась!

Она надавила еще сильнее.

– Остановите ее! – потребовал Расмуссен у двух копов.

– Если ты не хотел, чтобы я вновь увидела живого Бобби, почему я должна позволить тебе видеть хоть что-нибудь?

– Чего ты хочешь? – Пот градом катился по лицу Расмуссена, он напоминал свечку, оставленную у костра, которая быстро таяла.

– Кто дал тебе разрешение убить Бобби?

– Разрешение? О чем ты? Никто. Мне не нужно...

– Ты бы не решился тронуть его, если бы твой работодатель не сказал, что так надо.

– Я знал, что он следил за мной! – в испуге выкрикнул Расмуссен, потому что давление ногтей Джулии не ослабевало. Из-под век потекли слезы. – Я знал, что он следил за мной пять или шесть ночей, пусть и использовал разные автомобили. Я должен был принять меры. Я не мог отказаться от этого заказа, слишком большие деньги стояли на кону. Я не мог позволить ему схватить меня после того, как я наконец добрался до «Волшебника», поэтому и пришлось принимать меры. Это же ясно как божий день.

– Ты – компьютерный гений, наемный хакер, склизкий, мерзкий тип, но не крутой парень. Ты – слизняк. И сам ни-

когда не пошел бы на убийство. Тебе приказал твой босс.

– Нет у меня босса. Я – вольный стрелок.

– Тот, кто платит тебе за эту работу.

Она рискнула усилить давление, уже не ногтей, а подушечек пальцев на глазные яблоки. Расмуссен этого знать не мог. Волна страха захлестнула его с головой. Он уже думал, что ногти пронзили тонкие веки и добрались до роговицы. Его трясло. Из-под плотно сжатых век текли и текли слезы.

– Делафилд. – Слово с трудом сорвалось с его губ, словно он хотел одновременно и произнести его, и удержать. – Кевин Делафилд.

– Кто он? – Одной рукой Джулия держала Расмуссена за подбородок, другой безжалостно нажимала на глаза.

– Из «Майкрокрест корпорейшн».

– Тот, кто нанял тебя? Для кого ты украл «Волшебника»?

Он застыл, боясь сдвинуться даже на долю дюйма, уверенный, что при малейшем движении ее ногти вонзятся ему в глаза.

– Да. Делафилд. Псих. Ренегат. В «Майкрокресте» этого не понимали. Они только знали, что он добивается нужных результатов. Когда все это предадут гласности, они будут крайне удивлены. Потрясены. Отпусти меня. Что еще тебе нужно?

Она его отпустила.

Он тут же открыл глаза, чтобы убедиться, что зрение сохранилось, и от радости разрыдался.

Едва Джулия встала, как двери ближайшего лифта открылись, и из него вышли Бобби и Макграт, который сопровождал его в кабинет Акройда. Бобби взглянул на Расмуссена, потом на Джулию, щелкнул языком.

– Вижу, ты плохо себя вела. Наверное, не стоило оставлять тебя здесь.

– Только поговорила с Расмуссеном, ничего больше.

– Ему, похоже, этот разговор не сильно поднял настроение.

Расмуссен рыдал, закрыв глаза руками.

– Мы не сошлись во мнениях.

– Насчет фильмов, книг?

– Музыки.

– Ага.

– Ты просто тигрица, Джулия, – мягко вставил Сэмпсон.

– Он пытался убить Бобби.

Сэмпсон кивнул:

– Иногда можно дать волю эмоциям... чуть-чуть. Но теперь за тобой должок.

– Это точно, – согласилась она.

– И даже не один, – добавил Бурдок. – Этот парень подаст жалобу. Будь уверена.

– На что ему жаловаться? – удивилась Джулия. – Он же цел и невредим.

И действительно, красные полосы на щеке Расмуссена уже начали светлеть. А пот, слезы, дрожь к делу не пришивались.

– Послушай, он сломался только потому, что я точно знала его слабое место, – объяснила Джулия Бурдоку. – Вот и ударила по нему, легонько, словно гранила алмаз. И сработала моя тактика потому, что такие говнюки уверены: все вокруг ничем не отличаются от них. Вот он и не сомневался, что мы поведем себя именно так, как повел бы он, если бы мы с ним поменялись местами. Я бы никогда не выдавила ему глаза, а он бы выдавил, без малейшего колебания. Я всего лишь воспользовалась его извращенным видением мира. Психология. Никто не сможет подать жалобу на использование психологии в практических целях. – Она повернулась к Бобби. – Что на дискетах?

– «Волшебник». Не мусор. Вся программа. Это, должно быть, те самые файлы, которые он скопировал. Он успел сделать только одну копию, пока я наблюдал за ним, а после того, как началась стрельба, он не мог сделать дубликат.

Звякнул звонок лифта, на индикаторе высветилась цифра «3». Когда двери разошлись, из кабины вышел детектив, которого они знали, Джил Дайнер.

Джулия взяла у Бобби коробочку с дискетами, протянула Дайнеру:

– Это вещественная улика. Возможно, главная, которая решит исход процесса. Ты думаешь, что сможешь сохранить ее как должно?

Дайнер улыбнулся:

– Я постараюсь, мэм.

Глава 11

Фрэнк Поллард (он же Джеймс Роуман, он же Джордж Фаррис) заглянул в багажник «шеви» и нашел мешочек с инструментами, который лежал в нише для заправки. Воспользовался отверткой, чтобы снять с автомобиля пластины с номерными знаками.

Полчаса спустя, покружив по расположенным выше и еще более тихим улочкам окутанного туманом Лагуна-Бич, он припарковался на одной из них и поставил пластины с «шеви» на «олдсмобил», а те, что раньше стояли на «олдсмобиле», прикрутил к «шеви». При удаче владелец «олдсмобила» мог пару дней, может даже неделю, не замечать подмену. А до тех пор, пока в полиции не появится его заявление, «шеви» с номерами «олдсмобила» не будет значиться в списке угнанных автомобилей, а потому Фрэнк мог не особо тревожиться, увидев приближающуюся патрульную машину. В любом случае он намеревался избавиться от «шеви» к завтрашнему вечеру, а потом украсть что-то еще или просто купить себе автомобиль, благо денег хватало.

Едва держась на ногах от усталости, он, однако, решил, что ехать сейчас в мотель – решение не из лучших. Человек, который хотел снять номер в половине пятого утра, поневоле привлекал к себе излишнее внимание. К тому же он был небрит, густые волосы спутались, джинсы и фланелевая ру-

башка запачкались и измялись. Вот он и пришел к выводу, что оптимальный для него вариант – поспать несколько часов в машине.

Проехал дальше на юг, в Лагуна-Нигуэль, где остановился на тихой улочке под кроной огромной пальмы. Перебрался на заднее сиденье, вытянулся, насколько позволяли габариты салона, и закрыл глаза.

В этот самый момент он не боялся неведомого преследователя, потому что знал: рядом его нет. Пусть временно, но ему удалось оторваться от врага, сбросить с хвоста, так что ему не было нужды лежать без сна из опасения, что тот вдруг заглянет в окно. Выбросил он из головы и все вопросы о том, кто он такой и откуда взялась сумка с деньгами. Он слишком устал, так что мозг просто отказывался искать ответы на эти, судя по всему, очень непростые вопросы.

Что не давало ему уснуть, так это воспоминания о странности событий, которые произошли с ним в Анахайме несколько часов назад. Порывы ветра. Непонятно откуда взявшаяся музыка флейты. Разлетающиеся на мелкие осколки окна, взрывающиеся покрышки, отказывающие тормоза, вышедшее из строя рулевое управление...

Кто входил в ту квартиру вслед за синим светом? «Кто» – правильное слово... или следовало формулировать вопрос иначе: что там его искало?

Во время броска из Анахайма в Лагуна-Бич у него не было возможности проанализировать эти необъяснимые инци-

денты, но теперь он не мог думать о чем-то другом. Чувствовал, что выжил, столкнувшись со сверхъестественным. Хуже того, понимал, что амнезия вызвана сильнейшим желанием что-то забыть.

Но спустя короткое время даже воспоминания об этих сверхъестественных событиях не смогли удержать его ото сна. И когда он уже засыпал, в голове мелькнул обрывок фразы, те самые три слова, с которыми он и очнулся в темном проулке: «Светляки на ветру...»

Глава 12

Бобби и Джулия дали показания полиции, договорились о транспортировке своих автомобилей, побеседовали с тремя высокопоставленными чиновниками «Декодайн» и попали домой уже на заре. И только потому, что их подвезли на патрульной машине. Бобби обрадовался, вновь увидев их дом.

Они жили в восточной части города, в доме на три спальни, построенном в псевдоиспанском стиле. Дом они купили новый, двумя годами раньше, главным образом из-за высокого инвестиционного потенциала этого района. Даже ночью чувствовалось, что все тут юное и молодое. Кусты не набрали полную силу, ни одно из деревьев не успело подняться выше сливных желобов на крышах домов.

Бобби отпер дверь. Джулия вошла, он последовал за ней. Звук их шагов по паркетному полу прихожей эхом отдавался от стен совершенно пустой гостиной – прямого доказательства того, что они не собирались задерживаться в этом доме. Чтобы скопить денег на реализацию Мечты, они не обставляли не только гостиную, но и столовую и две спальни. Застелили пол дешевым ковром, повесили на окна дешевые занавески. И больше не потратили ни цента. Дом был всего лишь дорожной станцией на пути к Мечте, вот они и не видели смысла в том, чтобы тратить деньги на внутреннее убранство.

Мечта. Именно так они о ней думали – с большой буквы «М». Сводили свои расходы к минимуму, чтобы рос фонд Мечты. Особо не тратились на одежду и поездки в отпуск, не покупали дорогие автомобили. Упорным трудом и железной решимостью они превращали частное детективное агентство «Дакота-и-Дакота» в известную и процветающую компанию, которую могли бы продать за большие деньги, а потому вкладывали в дело немалую часть своих заработков, чтобы агентство росло и росло. И тоже ради Мечты.

Дальнюю часть дома, кухню, маленькую гостиную и пятак для завтрака, который их разделял, они обставили. Потому что жили здесь и в большой спальне наверху.

Пол на кухне выложили испанской плиткой, которая гармонировала с бежевыми столиками и полками из темного дуба. На декоративные аксессуары деньги не тратились, уют создавался другими средствами, ясно дающими понять, что кухня используется по прямому назначению: сетка с десятком луковиц, медные сковородки, кастрюли, бутылочки со специями, три зеленых помидора, созревающие на подоконнике.

Джулия привалилась к столику, словно ноги ее больше не держали и требовалась поддержка.

- Хочешь выпить? – спросил Бобби.
- Спиртное на заре?
- Я думал про молоко или сок.
- Нет, благодарю.

– Поешь?

Она покачала головой:

– Просто хочу рухнуть в постель. Валюсь с ног.

Он обнял ее, прижал к груди, зарылся лицом в пышные волосы. Руки Джулии обхватили его.

Какое-то время они постояли, не произнося ни слова, позволяя осадку страха испариться под воздействием тепла, которое излучали их тела. Страх и любовь шли рука об руку. Если ты позволял себе заботиться о другом человеке, любить его, то становился уязвимым, а уязвимость вела к страху. Бобби пришел к пониманию смысла жизни через отношения с Джулией, и, если бы она умерла, жизнь закончилась бы и для него.

Не выпуская Джулию из объятий, Бобби чуть отклонился назад, всмотрелся в ее лицо. Пятнышек запекшейся крови уже не было. Рана на лбу начала затягиваться желтоватой корочкой. Однако не только рана являлась наглядным свидетельством случившегося с ними. Смуглокожая, загорелая, Джулия бледнела только в те моменты, когда ее охватывала сильная тревога. Сейчас же кожа посерела, да так сильно, что стала напоминать мраморное надгробие.

– Все кончено, – заверил он ее, – и мы в порядке.

– В моих снах ничего не кончено. И не закончится еще многие недели.

– Такая ночь, как сегодня, работает на легенду «Дакоты-и-Дакоты».

– Я не хочу быть легендой. Легенды слагают о мертвецах.

– Мы будем живыми легендами, а это способствует расширению бизнеса. Чем крупнее у нас будет бизнес, тем скорее мы сможем его продать и ухватить Мечту. – Он нежно поцеловал ее в уголок рта. – Мне нужно позвонить, оставить длинное послание на автоответчике агентства, чтобы Клинт, придя на работу, знал, что делать и как себя вести.

Он поцеловал ее еще раз и направился к телефонному аппарату на стене у холодильника. Набирая номер агентства, услышал шаги Джулии. Она шла к ванной, которая располагалась в маленьком коридорчике, соединяющем кухню и прачечную. Она закрывала за собой дверь, когда в трубке слышался записанный на автоответчик голос: «Благодарим за звонок в частное детективное агентство „Дакота-и-Дакота“. К сожалению...»

Клинт Карагиосис (в этой американской семье греческого происхождения Клинта Иствуда обожали с первого телесериала, «Сыромятная плеть», с его участием) был правой рукой Бобби и Джулии. Они знали, что он справится с любой проблемой. Бобби действительно оставил ему длинное послание, кратко рассказав о том, что произошло в «Деко-дайн», и оставив инструкции относительно дальнейших действий.

Повесив трубку, Бобби прошел в маленькую гостиную, включил проигрыватель компакт-дисков, поставил диск с записями оркестра Бенни Гудмена. Первые такты музыки сра-

зу оживили комнату.

Вернувшись на кухню, распахнул холодильник и достал контейнер с эгногом⁴. Они купили его две недели назад, чтобы дома, по-семейному, отпраздновать Новый год, да так и не добрались до него во время рождественских каникул. Теперь он открыл контейнер и до середины наполнил два стакана.

Из ванной донеслись характерные звуки: Джулию рвало. На сухую, последний раз они ели восемь или десять часов назад, но спазмы были очень сильными. Всю ночь Бобби думал о том, когда же ее прорвет, и удивлялся тому, что она смогла продержаться так долго.

Из бара в маленькой гостиной он принес бутылку белого рома и в каждый стакан добавил по двойной дозе. Бобби размешивал ром ложечкой, когда вернулась Джулия, еще более серая, чем прежде.

– Мне это не нужно, – сказала она, увидев, что он делает.

– Я знаю, что тебе нужно. Я же мистик, читаю мысли. Этой ночью ты переволновалась. И теперь тебе необходимо снять стресс. – Он подошел к раковине, вымыл ложечку.

– Нет, Бобби, правда, я не могу это пить. – Музыка Гудмена, похоже, не наполняла ее энергией.

– Эгног успокоит твой желудок. Если ты его не выпьешь, то не сможешь заснуть. – Взяв Джулию за руку, он повел ее в маленькую гостиную. – Будешь лежать и волноваться обо

⁴ Эгног – напиток из взбитых яиц с сахаром. В него добавляют ром или вино.

мне, Томасе (так звали брата Джулии), об окружающем мире и всех, кто в нем живет.

Они сели на диван, но он не включил ни одной лампы. Свет падал только из кухни.

Она подогнула ноги под себя, чуть повернувшись, чтобы смотреть на Бобби. Ее глаза поблескивали, отражая свет. Она выпила эгнога.

Теперь комнату наполняли звуки «Твоего нежного письма», одной из лучших композиций оркестра Гудмена. Пела Луиза Тобин.

Какое-то время они сидели и слушали.

Первой заговорила Джулия:

– Я крепкая, Бобби, действительно крепкая.

– Знаю.

– Я не хочу, чтобы ты думал, будто я слабая.

– Никогда.

– Меня вытошнило не от выстрелов, не оттого, что пришлось раздавить нехорошего парня, даже не из-за мысли, что я могла тебя потерять...

– Я знаю. Из-за того, что тебе пришлось сделать с Расмуссеном.

– Он склизкий мерзавец, но даже он не заслуживает того, чтобы с ним так поступали. То, что я делала, ужасно.

– Это был единственный способ расколоть его, а если бы он не раскололся, мы бы не узнали, кто его нанял.

Джулия еще глотнула эгнога, посмотрела на мутное содер-

жимое своего стакана, будто могла найти там ответ на только ей ведомую загадку.

Тобин замолчала, уступив место соло на трубе Зиги Элмана, потом зазвучал кларнет Гудмена. От этой музыки маленькая неказистая комната, казалось, превратилась в самое романтическое место в мире.

– То, что я сделала... я сделала для Мечты. В «Декодайн» порадуются, узнав имя работодателя Расмуссена. Но так сложить его... это хуже, чем убить на дуэли.

Бобби положил руку ей на колено. Красивое колено. После стольких прожитых вместе лет он иногда все еще удивлялся, какое оно изящное, какие тонкие в нем косточки. Поскольку считал, что для своих габаритов она очень сильная, крепкая, неустрашимая.

– Если бы ты не воспользовалась слабым местом Расмуссена и не выжала из него правду, это сделал бы я.

– Нет, не сделал бы. Ты решителен, Бобби, ты умен и иной раз идешь к цели напролом, но кое-что тебе сделать не дано. И это тот самый случай. Не вешай мне лапшу на уши, чтобы поднять настроение.

– Ты права, – после короткой паузы ответил Бобби. – Я бы этого не сделал, но рад, что сделала ты. «Декодайн» – это уже высшая лига, и если бы мы лопухнулись, то еще многие годы занимались бы исключительно мелочовкой.

– Разве есть что-то такое, чего бы мы не сделали ради Мечты?

– Да, конечно. Мы не стали бы пытаться маленьких детей раскаленными докрасна ножами, и мы не стали бы сбрасывать невинных старушек с лестниц, и мы не стали бы забивать новорожденных щенят железным прутком... во всяком случае, без веской причины.

В ее смехе веселья все-таки не доставало.

– Послушай, ты хороший человек, – продолжил он. – Сердце у тебя доброе, и, что бы ты ни сделала с Расмуссеном, оно не озлобится ни на йоту.

– Надеюсь, ты прав. Иногда этот мир очень суровый.

– Еще полстакана эгнога помогут тебе понять, что не все в нем так плохо.

– Ты знаешь, сколько калорий в этом пойле? Я стану толстой, как гиппопотамиха.

– Гиппопотамихи такие клевые. – Он взял ее стакан и направился в кухню. – Я люблю гиппопотамих.

– Ты не захотел бы заниматься с ней любовью.

– Наоборот. Чем ее больше, тем сильнее любовь.

– Она бы тебя раздавила.

– Да, разумеется. Я буду настаивать на том, чтобы всегда быть сверху.

Глава 13

Конфетка готовился убить. Он стоял в темной гостиной дома незнакомца, дрожа всем телом от охватившего его желания. Кровь. Он жаждал крови.

Конфетка готовился убить и ничего не мог с этим поделать, не мог остановить себя. Даже мысли о матери не помогали, даже они не могли контролировать это желание.

Его нарекли Джеймсом, но мать, начисто лишенная эгоизма, бесконечно добрая, переполненная любовью, святая, всегда звала его «мой маленький мальчик-конфетка». Никогда Джеймс. Никогда Джим или Джимми. Говорила, что нет на земле ничего более сладкого, чем он. Со временем маленький мальчик-конфетка стал просто мальчиком-конфеткой, а к шести годам ушел и мальчик, осталась одна конфетка. И теперь, в двадцать девять лет, он отзывался только на это то ли имя, то ли прозвище⁵.

Многие люди думали, что убийство – грех. Он знал: это не так. Некоторые рождались с жаждой крови. Бог создал их такими и ожидал, что они будут убивать своих жертв. Такова была часть Его таинственного замысла.

Грешил он, лишь когда Бог и мать не одобряли убийства конкретной жертвы, а это был тот самый случай. Но его обу-

⁵ На английском языке Candy (Конфетка) – с одной стороны, женское имя, с другой – прозвище.

ревало желание убить.

Он прислушался к дому. Тишина.

Мебель в гостиной сгрудилась вокруг него, напоминая стадо смутно виднеющихся в темноте инопланетных чудовищ. Тяжело дыша, дрожа всем телом, Конфетка миновал столовую, кухню, маленькую гостиную, медленно двинулся по коридору, ведущему в переднюю часть дома. Не издавал ни звука, который мог бы предупредить об опасности тех, кто спал наверху. Казалось, он не идет, а скользит, призрак, а не человек из плоти и крови.

Он остановился у лестницы, предпринял последнюю слабую попытку сокрушить желание убивать. Не получилось. Он содрогнулся всем телом, выдохнул. И начал подниматься на второй этаж, где, вероятно, спала семья.

Мать поняла бы и простила его.

Она учила его, что убивать – хорошо и не противоречит нормам морали, но лишь когда убийство необходимо, когда оно приносит пользу семье. Она ужасно злилась на него в тех случаях, когда он убивал лишь для того, чтобы убить, без веской на то причины. Ей не требовалось прибегать к физическим наказаниям, потому что одного ее недовольства хватало, чтобы он жестоко страдал. Изю дня в день она отказывалась говорить с ним, и ее молчание с такой силой сдавливало ему грудь, что сердцу едва удавалось биться. Она смотрела сквозь него, словно он больше для нее не существовал. Когда другие дети говорили о нем, она им заявля-

ла: «Ах, так вы про вашего брата Конфетку, вашего бедного умершего брата. Ну, вспоминайте о нем, если хотите, но только промеж себя, не со мной, не при мне, потому что я не хочу вспоминать о нем, гнилом семени. Не было в нем ничего хорошего, совершенно ничего хорошего, он не слушался мать, всегда думал, что никто ему не указ. От одного упоминания его имени меня тошнит, оно мне противно, не упоминайте его в моем присутствии». И всякий раз, когда Конфетку за недостойное поведение временно отправляли в землю мертвых, ему не накрывали на стол. Он стоял в углу, наблюдая, как другие едят, словно заскочивший в гости призрак. Она не жаловала его ни хмурым взглядом, ни улыбкой, не гладила по волосам, не касалась лица теплыми, мягкими руками, не прижимала к себе, не клала его уставшую голову себе на грудь, а вечером ему приходилось уходить, проваливаться в тревожный сон без сказки на ночь или колыбельной. Когда она исключала его из своей жизни, он прямоком попадал в ад.

Но она бы поняла, почему Конфетка не мог контролировать себя в эту ночь, и простила бы его. Рано или поздно она всегда прощала его, потому что ее любовь к нему ничем не отличалась от любви Господа к своим детям, была такой же абсолютной, всепрощающей, милосердной. Когда она приходила к выводу, что Конфетка настрадался, она снова смотрела на него, улыбалась ему, открывала свои объятия. И когда она вновь признавала его существование на этой земле,

он переносился из преисподней в рай.

Но она сама уже была в раю. Семь долгих лет! Господи, как ему ее недоставало. Однако она наблюдала за ним даже сейчас. Знала, что сегодня он потерял контроль над собой, и разочаровалась в нем.

Он поднялся по лестнице, перешагивая через ступеньку, держась ближе к стене, чтобы ступеньки не скрипели. Мужчина он был крупный, но двигался на удивление плавно и легко, бесшумно.

Наверху остановился, прислушался. Тихо.

Над головой светился тусклый ночник, составная часть датчика противопожарной сигнализации. Но и этого света хватило, чтобы Конфетка увидел две двери по правую руку, две – по левую, еще одну – в конце коридора.

Он подкрался к первой двери справа, осторожно открыл, проскользнул в комнату. Закрыл дверь, привалился к ней спиной.

И пусть желание убивать было велико, он заставил себя подождать, пока глаза привыкнут к темноте. В двух окнах поблескивал серый отсвет уличного фонаря, который отделяла от дома половина квартала. Прежде всего он заметил зеркало, серебристый прямоугольник, в котором чуть отражался слабый свет, попадающий в комнату с улицы. Потом различил под ним очертания туалетного столика. А мгновением позже увидел и кровать, кто-то на ней лежал, свернувшись калачиком под светлым одеялом, которое чуть фосфо-

ресцировало.

Конфетка осторожно подкрался к кровати, взялся за одеяло и простыню, замер, прислушиваясь к ровному дыханию спящего. Уловил легкий аромат духов, смешавшийся с запахами теплой кожи и недавно вымытых шампунем волос. Девушка. Он всегда мог отличить девичий запах от мальчишеского. Он также почувствовал, что она молода, наверное подросток. Не будь его желание таким сильным, он бы тянул гораздо дольше, потому что предшествующие убийству переживания нравились ему даже больше, чем само деяние.

А потом, театральным жестом, словно фокусник, отбрасывающий покрывало с пустой до этого клетки, в которой, к изумлению зрителей, оказывается голубь, он раскрыл спящую. Упал на нее, вдавливая в матрас своим телом.

Она проснулась мгновенно, попыталась закричать, пусть даже, упав на нее, он выдавил из ее легких весь воздух. К счастью, у него были необычайно большие и сильные руки, и они нашли ее лицо до того, как жертва начала раскрывать рот. Так что ладонь он сунул ей под подбородок, а пальцами ухватил за щеки, запечатав рот.

– Лежи тихо, а не то я тебя убью, – прошептал он, касаясь губами аккуратного ушка.

Отчаянно пытаясь вырваться, она извивалась под ним. Судя по ощущениям, он лежал не на женщине, на девочке, лет двенадцати, максимум пятнадцати. Какое она могла оказать сопротивление?

– Я не собираюсь причинять тебе вред. Я просто хочу тебя, а когда получу от тебя все, что мне нужно, уйду.

Он лгал, потому что не испытывал ни малейшего желания насиловать ее. Секс его не интересовал. Более того, секс вызывал у него отвращение. Эти жидкие выделения, это бесстыдное использование органов, посредством которых справлялась малая нужда... какая мерзость. И увлечение сексом других людей служило Конфетке еще одним доказательством, что мужчины и женщины – падшие существа, а мир – клоака греха и безумия.

То ли потому, что она поверила его обещанию не убивать ее, то ли потому, что страх наполовину парализовал ее, она перестала сопротивляться. А может, вся энергия требовалась ей, чтобы просто дышать. Конфетка всем своим весом, двести двадцать фунтов, навалился ей на грудь, сдавливая легкие. И рукой, которая зажала ей рот, он чувствовал, как засасывает она ноздрями холодный воздух, выдыхает через них горячий.

Его глаза продолжали приспосабливаться к густому сумраку, лишь чуть-чуть отличающемуся от темноты. Он все еще не сумел разглядеть черты ее лица, видел только глаза, поблескивающие от ужаса. Видел также, что она блондинка, светлые волосы выделялись даже при столь слабом сером свете, проникающем сквозь окна.

Свободной рукой он мягко откинул волосы с правой стороны шеи. Чуть переместился, сдвинулся вниз, с тем что-

бы поднести губы к шее. Поцеловал ее нежную кожу, почувствовал учащенный пульс, а потом укусил, глубоко, чтобы добраться до крови.

Она забилась под ним, но держал он ее крепко, и она не могла оторвать его жадного рта от раны. Он глотал быстро, но не мог выпить весь поток густой сладкой жидкости, которая хлестала из прокушенной артерии. Вскоре, однако, поток начал иссякать. Девочка билась уже не с такой силой, наконец затихла совсем, превратилась в тряпичную куклу.

Он поднялся с нее, включил лампу на столике у кровати на несколько мгновений, чтобы взглянуть на ее лицо. Он всегда хотел видеть их лица после того, как приносил их в жертву, а не до того. Ему также нравилось смотреть в их глаза, не слепые, нет, в них отражалось то далекое место, куда отправлялись их души. Он не понимал своего любопытства. В конце концов, когда он ел стейк, его не интересовало, как выглядела корова. Эта девушка... и все те, кем он питался, по существу, были для него той же коровой. Однажды, во сне, когда он выпил всю кровь из прокушенной шеи, жертва, уже мертвая, заговорила с ним, спросила, почему он хотел посмотреть на нее в смерти. Когда он сказал, что не знает ответа на ее вопрос, она предположила, что, возможно, в тех случаях, когда он убивал в темноте, ему требовалось увидеть лица своих жертв, потому что в каком-то темном углу своего сердца он ожидал найти свое собственное лицо, которое будет смотреть на него, с мертвенно-бледной кожей и мертвы-

ми глазами. «В глубине души, – сказала ему жертва из сна, – ты знаешь, что сам уже мертв, выжжен изнутри. Ты понимаешь, что после того, как ты убиваешь своих жертв, у тебя становится с ними гораздо больше общего, чем до того». Эти слова, произнесенные во сне, – сущая ерунда, – тем не менее заставили его проснуться с диким криком. Он был живой, не мертвый, крепкий, полный сил, мужчина в самом соку, пусть и с необычными потребностями. Но слова жертвы из сна многие годы не выходили у него из головы, всегда вспоминались в такие вот моменты, тревожили его. Но теперь, как и всегда, он отказывался думать о них. И сосредоточил свое внимание на лежащей на кровати девочке.

Лет четырнадцати, не старше, хорошенькая. Не в силах оторвать глаз от ее белоснежного лица, он задался вопросом: а будет ли ее кожа на ощупь такой же безупречной, какой казалась глазу, гладкой, как фарфор, если бы он решился провести по ней кончиками пальцев? Ее губы чуть разошлись, словно их раздвинула душа, когда вылетала из тела. Ее потрясюще синие, чистые глаза казались огромными, слишком большими для ее лица, бездонными, как зимнее небо.

Он бы хотел смотреть на нее часами.

Со вздохом сожаления он погасил лампу.

Какое-то время постоял в темноте, окруженный резким запахом крови.

Когда его глаза вновь привыкли к темноте, он вышел в коридор, не потрудившись закрыть за собой дверь в комна-

ту девочки. Вошел в комнату напротив. Обнаружил, что там никого нет.

Зато в комнате рядом с ней Конфетка унюхал запах пота и услышал храп. Тут спал юноша, лет семнадцати или восемнадцати, не здоровяк, но и не хлюпик, так что он оказал более активное сопротивление, чем его сестра. Однако спал он на животе, и, когда Конфетка скинул с него одеяло и упал на него, лицо юноши уткнулось в подушку, поэтому крикнуть он не сумел. Борьба была яростной, но короткой. Юноша отключился от недостатка кислорода, и Конфетка перекатил его на спину. И прежде чем вонзиться зубами в шею, издал победный гортанный крик, куда более громкий, чем все звуки, которые издавал юноша.

Позже, когда он открыл дверь в четвертую спальню, восточный горизонт уже посветлел: приближалась заря. Темные тени по-прежнему окутывали углы, но по центру спальни темнота поубавилась. Слабый свет обесцветил все предметы, придав им те или другие оттенки серого.

Симпатичная, лет под сорок, блондинка спала на половине двуспальной кровати. Одеяло и простыни на другой половине лежали нетронутыми, из чего Конфетка сделал вывод, что муж блондинки или ушел от нее, или куда-то уехал по делам и не ночевал дома. Он заметил на столике у кровати стакан с водой и пластиковый лекарственный пузырек. Взяв пузырек, Конфетка увидел, что он на три четверти наполнен маленькими таблетками. Согласно названию препарата, на-

писанному на этикетке, снотворным. На этикетке значились имя и фамилия женщины: Розанна Лофтон.

Конфетка постоял у кровати, глядя сверху вниз на ее лицо, ему вдруг отчаянно захотелось ощутить материнскую ласку. Жажда крови никуда не ушла, но ему не хотелось набрасываться на женщину, не хотелось разрывать ей шею и в несколько минут выпить всю кровь. На этот раз он бы предпочел обойтись без спешки.

Ему хотелось сосать кровь этой женщины, как он сосал кровь матери, когда та даровала ему такую милость. Иногда, если он попадал к ней в любимчики, она делала неглубокий надрез на ладони или протыкала палец, а потом позволяла прижаться к себе: он сосал ее кровь час или дольше. В этот период он испытывал ни с чем не сравнимую умиротворенность, такое блаженство, что весь мир и вся боль уходили, теряли реальность, потому что кровь матери отличалась от любой другой, была чистой, как слезы святого. Через такие маленькие ранки он мог выпить совсем ничего, унцию или две, но эти капельки насыщали его куда больше, чем галлоны крови, которые он выпивал у десятков других людей. У женщины, лежавшей перед ним, по артериям и венам не текла, разумеется, такая амброзия. Но если бы он пососал ее с закрытыми глазами, вспоминая те дни, когда мать была жива, то смог бы испытать хотя бы отдаленное подобие счастья, которое переполняло его в такие моменты.

Наконец, не срывая с женщины одеяло, Конфетка осто-

рожно улегся на кровать и вытянулся рядом с ней, наблюдая, как ее отяжелевшие от снотворного веки шевельнулись, потом разошлись, открывая глаза. Она моргнула, уставившись на него, устроившегося рядом, на мгновение подумала, что это всего лишь сон, потому что на расслабившемся от сна лице не отразилось ни удивления, ни испуга.

– Мне нужна лишь твоя кровь, – нежно прошептал он.

И прежде чем она успела все испортить, закричав или начав сопротивляться, тем самым полностью разрушив иллюзию, будто она его мать и добровольно дает ему полакомиться своей кровью, Конфетка ударил ее в шею тяжелым кулаком. Потом еще раз. И дважды по лицу. Потеряв сознание, она обмякла на подушке.

Он забрался под одеяло, чтобы быть к ней ближе, прокусил ее ладонь. Положил голову на подушку, оказавшись лицом к лицу с женщиной. Подтянул ее руку и начал пить из медленного ручейка, который стекал с ладони. На какое-то время закрыл глаза, попытался представить себе, что женщина – его мать, и наконец почувствовал растекающуюся по телу и душе умиротворенность. И пусть такого счастья он не испытывал уже с давних пор, счастье это не было глубоким, его ощущала лишь поверхность его сердца, тогда как внутри по-прежнему властвовали темнота и холод.

Глава 14

Проспав лишь несколько часов, Фрэнк Поллард проснулся на заднем сиденье украденного «шеви». Яркие лучи утреннего солнца, бьющие в окна, тут же заставили его сощуриться.

Тело болело, отдохнувшим он себя не чувствовал. В горле пересохло, глаза жгло, словно он не спал много дней.

Застонав, Фрэнк сбросил ноги с сиденья, сел, откашлялся. Понял, что обе кисти онемели, холодные, неживые, увидел, что пальцы сжаты в кулаки. Должно быть, так он и спал, со сжатыми кулаками, потому что поначалу пальцы никак не хотели разгибаться. Наконец с немалыми усилиями ему удалось разжать правый кулак, и сквозь пальцы посыпались какие-то черные крупинки или гранулы.

В замешательстве он смотрел, как скользят они по штанине на правую кроссовку. Поднял руку, чтобы более пристально рассмотреть темную пленку, оставшуюся после крупинок-гранул. По виду и запаху – песчинок.

Черный песок? Где он мог набрать пригоршню черного песка?

Когда он разжал второй кулак, из него высыпался все тот же песок.

В полном недоумении Фрэнк выглянул из окна, посмотрел на жилой район, в котором оказался. Увидел зеленые лу-

жайки, темную землю, там, где трава росла редко, клумбы, кусты, деревья, ничего похожего на черный песок.

Он уснул в Лагуна-Нигуэль, так что Тихий океан находился совсем рядом, с широкими песчаными пляжами. Но песок на этих пляжах был белый, не черный.

Когда кровообращение в кистях полностью восстановилось, Фрэнк откинулся на спинку заднего сиденья, поднял руки, всмотрелся в черные крупинки, прилипшие к потной коже. Песок, пусть даже черный, никакой тревоги не вызывал, в отличие от пленки темного вещества, которое осталось на ладонях. Уж очень оно напоминало свежую кровь.

– Кто я, черт побери, что со мной происходит? – Вопрос он задал вслух.

Он понимал, что ему нужна помощь. Но не знал, к кому он мог за ней обратиться.

Глава 15

Бобби проснулся от сильного ветра, дующего с гор Санта-Аны, который трепал кроны деревьев, свистел под карнизами, заставлял поскрипывать крышу и стропила.

Он несколько раз моргнул, чтобы полностью разогнать сон, и, прищурившись, всмотрелся в часы на потолке: 12:07. Поскольку он и Джулия работали, как того требовала обстановка, и иной раз спали днем, на окнах стояли светонепроницаемые ставни «Ролладен», и в спальне царила полная темнота, за исключением светящихся светло-зеленых цифр на электронных часах. Они словно являли собой послание какого-то призрака из Потусторонья.

Спать он лег на заре, мгновенно уснул и теперь понял: за окном полдень – не полночь. Он проспал около шести часов. Какие-то мгновения лежал не шевелясь, гадая, проснулась ли Джулия.

– Проснулась, – подала она голос.

– Слушай, я тебя боюсь. Ты же читаешь мои мысли.

– Ничего я не читаю. Мы так давно живем вместе, что я просто знаю, о чем ты думаешь.

Он потянулся к ней, и она пришла к нему в объятия.

Какое-то время они лишь обнимали друг друга, удовлетворенные близостью тел. Потом, по взаимному, пусть и невысказанному согласию, занялись любовью.

Зеленые цифры часов давали слишком мало света, чтобы разогнать темноту, поэтому Бобби не видел Джулию. Но зрение ему в полной мере заменили руки. Он восторгался гладкостью и теплотой ее кожи, изящными округлостями груди, плавными движениями ее тела под его ладонями. Он напоминал слепца, который использует руки, чтобы ощутить идеал красоты.

Ветер сотрясал окружающий мир. Джулия кричала ему в унисон, получая оргазм за оргазмом. И когда Бобби более не мог сдерживаться, он тоже издал дикий крик и выплеснул в нее заряд спермы. Крик его был подхвачен ветром, и в этот самый момент птица, которая укрывалась под карнизом, не удержалась и сорвалась с шестка с хлопаньем крыльев и пронзительным писком.

Потом они лежали в темноте, их дыхания смешивались, они с обожанием гладили друг друга. Они не хотели, не считали нужным говорить: слова только портили такие моменты.

Алюминиевые ставни подрагивали под порывами ветра. Но постепенно посткоитусное блаженство уступило место тревоге, причину которой Бобби объяснить не мог. Кромешная тьма стала давить, отсутствие света привело к тому, что воздух начал густеть и вскоре стал таким вязким, что перестал поступать в легкие.

Хотя он только что занимался с Джулией любовью, у него возникла безумная мысль, что ее рядом нет, что совокуп-

лялся он с призраком или со сгустившейся тьмой, а Джулию украли у него ночью. Какая-то сила, он не мог даже представить ее себе, утащила Джулию, и теперь ему никогда не найти жену.

Он, конечно, понимал, что это глупый, детский страх, но приподнялся на локте и зажег одно из бра над изголовьем.

Когда увидел лежащую рядом, улыбающуюся Джулию, неизвестно откуда взявшаяся тревога в значительной мере исчезла. Он шумно выдохнул воздух, только сейчас осознав, что какое-то время не дышал. Но сердце по-прежнему сжимало, и одного вида Джулии, пусть целой и невредимой, если не считать болячки на лбу, оказалось недостаточно для того, чтобы он полностью расслабился.

– Что-то не так? – Она, как всегда, тонко чувствовала его состояние.

– Все нормально, – солгал он.

– Капелька головной боли от рома в эгноте?

Роберту досаждало не похмелье, а очень неприятное ощущение, что ему предстоит потерять Джулию. В этом враждебном мире появилось что-то ужасное и поставило перед собой цель – забрать ее у него. В их семье оптимистом был он, а потому обычно не испытывал дурных предчувствий, вот почему от этого по спине у него пробежал холодок.

– Бобби? – Она нахмурилась.

– Болит голова, – заверил он жену.

Наклонился и нежно поцеловал глаза, потом снова, заста-

вив ее закрыть их, чтобы она не могла видеть его лицо и озабоченность, которую он никак не мог скрыть.

Позже, приняв душ и одевшись, они наскоро позавтракали: сдобные булочки с малиновым джемом, по половинке банана, черный кофе. На работу они не собирались. Короткий разговор с Клинтом Карагиосисом подтвердил, что подготовка итоговых документов по договору «Декодайн» идет своим чередом и практически завершается, а никакие другие дела не требовали их срочного вмешательства.

Их «сузуки-самурай» дожидался в гараже, и настроение Бобби, как только он увидел этот маленький спортивный пикап с приводом на все четыре колеса, сразу улучшилось. Перед Джулией покупку «самурая» он оправдывал двойным предназначением автомобиля, как для бытовых нужд, так и для отдыха, особенно напоминая на более чем приемлемую цену, но на самом деле хотел его купить, потому что знал: сидеть за рулем «самурая» – одно удовольствие. Обмануть ее Бобби, само собой, не удалось, но возражать против покупки она не стала, потому что у нее тоже сразу возникло желание поехать на этой компактной, но мощной машине. Но на этот раз она уступила ему место за рулем, хотя он и предложил, чтобы «самурай» повела она.

– В прошлую ночь я уже наездила, – ответила Джулия, устроившись на пассажирском сиденье и пристегнувшись ремнем безопасности.

Сильный ветер кружил по улицам опавшую листву, сучки, обрывки бумаги, другой неопознаваемый мусор. Пыльные дьяволы налетали с востока, набрасывались на каньоны и заросшие кустарником склоны холмов, на которых трудолюбивые строители округа Ориндж еще не успели построить тысячи практически одинаковых деревянных оштукатуренных домов, олицетворяющих калифорнийскую мечту. Деревья гнулись под резкими порывами ветра, который дул в сторону океана на западе. От ночного тумана не осталось и следа, день выдался ясным, и с холмов не составляло труда разглядеть остров Каталина, который лежал в двадцати шести милях от побережья.

Джулия вставила в проигрыватель сиди Арти Шоу, и тут же салон автомобиля наполнила мелодия «Начала начал». Мягкое звучание саксофонов Леса Робинсона, Хэнка Фримена, Тони Пастора и Ронни Перри удивительным образом противостояло хаосу и полному отсутствию гармонии порывов ветра, налетающих с гор Санта-Аны.

Из Оринджа Бобби поехал на юго-запад, к прибрежным городам, Ньюпорту, Корона-дель-Мар, Лагуне, Дана-Пойнт. Вдоль дорог изредка встречались апельсиновые сады, которые и дали название округу. Раньше они занимали куда как большую территорию, но отступили под напором городов, дорог и торговых центров.

Джулия становилась все более разговорчивой по мере того, как росло число оставшихся позади миль, но Бобби знал,

что ее улучшающееся настроение наигранное. Всякий раз, когда они собирались навестить ее брата Томаса, она старалась взбодрить себя. Она любила Томаса, но, когда видела его, у нее разрывалось сердце, вот ей и приходилось заранее готовить себя к тому, чтобы в его присутствии демонстрировать исключительно веселье и радость.

– Ни облачка на небе, – заметила она, когда они проезжали мимо старого фруктоперерабатывающего завода «Ирвайн рэнч». – Прекрасный день, не так ли, Бобби?

– Изумительный.

– Ветер, должно быть, угнал все облака в Японию, и они сейчас громятся над Токио.

– Да. Прямо сейчас калифорнийский мусор сыплется на Гинзу.

Сотни красных лепестков бугенвиллеи, сорванных ветром, понесло через дорогу, и на мгновение «самурай» затерялся в этом алом «снегопаде». И в этом лепестковом вихре чувствовалось что-то восточное, может, потому, что они говорили о Японии. Бобби не удивился, если бы на обочине дороги увидел женщину в кимоно, застывшую под лучами солнца.

– Даже при таком ветре здесь очень красиво, – щебетала Джулия. – Разве нам не повезло, Бобби? Разве нам не повезло в том, что мы живем в этом удивительном месте?

Зазвучал «Френези» Шоу, прекрасный образчик классического свинга. Каждый раз, слыша эту песню, Бобби без

труда представлял себе, что попал в один из фильмов 1930-х или 40-х годов, сейчас обогнет угол, встретится со своим давним другом Джимми Стюартом, а может, с Бингом Кросби и они пойдут на ланч с Кэри Грантом, и Джин Артур, и Кэтрин Хепберн, а потом просто начнутся чудеса.

– В каком ты фильме? – спросила Джулия. Она очень хорошо его знала.

– Пока не решил. Может, в «Филадельфийской истории»⁶.

К тому времени, когда они подъехали к интернату «Сиело виста», Джулия привела себя в необычайно приподнятое настроение. Она выпорхнула из «самурая», посмотрела на запад, широко улыбнулась горизонту, на котором встречались небо и океан, словно никогда не видела более впечатляющего зрелища. По правде говоря, с автомобильной стоянки действительно открывалась захватывающая дух панорама, потому что интернат «Сиело виста» стоял на обрыве в полумиле от Тихого океана, господствуя над длинной полосой золотых пляжей южного побережья Калифорнии. Бобби тоже повосхищался этим видом, ссутулившись и втянув голову в плечи, чтобы хоть как-то защититься от холодного, пронизывающего ветра.

Когда Джулия собралась с духом, она взяла Бобби за руку, крепко сжала ее, и они вошли в дом.

⁶ Из вышеперечисленных звезд Голливуда в этом фильме 1940 г. снялись Кэри Грант и Джимми Стюарт. Последний фильм «Филадельфийская история» принес премию «Оскар» в номинации «Лучшая мужская роль».

Интернат «Сиело виста» был частным заведением, существовал без поддержки штата или федеральных властей и даже в архитектуре ничем не напоминал аналогичные заведения, находящиеся в ведении государства. Два этажа, персиковая штукатурка стен, выложенные белым мрамором углы, дверные коробки, перемычки над оконными проемами. Выкрашенные белой краской французские и простые окна сверху заканчивались величественными арками. Дорожки прятались в тени густой растительности, листочки которой под ветром шептались на разные голоса. Внутри пол выложили плитами из серого винила с персиковыми и бирюзовыми блестками, стены выкрасили в персиковый цвет с белой полосой у белого потолка, благодаря чему даже в коридорах создавалась атмосфера уюта.

Миновав входную дверь, они постояли в фойе, пока Джулия не достала из сумочки расческу и не причесала растрепанные ветром волосы. Еще одну остановку они сделали у столика регистратора, после чего направились в северный коридор первого этажа, где находилась комната Томаса.

Он занимал вторую от двери кровать, ближайшую к окнам, но не лежал на ней и не расположился в кресле. Когда они вошли в открытую дверь, он сидел за рабочим столом, общим для него и его соседа по комнате, Дерека. Склонившись над столом, вырезая ножницами фотографию из журнала, Томас одновременно казался громоздким и миниатюрным, толстым и тонким. Габариты тела никак не соответ-

ствовали эмоциональной хрупкости, и вот эта внутренняя слабость выходила наружу, показывая, что внешнее впечатление грузности и вроде бы силы обманчиво. Толстая шея, тяжелые круглые плечи, широкая спина, мощные короткие руки и ноги придавали Томасу схожесть с гномом, но, когда он поворачивал голову, становилось ясно, что природа не подарила ему хитрое и смышленное лицо сказочного существа. Нет, лицо Томаса свидетельствовало о жестокой генетической судьбе и биологической трагедии.

– Джулия! – Он уронил ножницы и журнал, чуть не перевернул стол, так торопливо поднимался. Одет он был в мешковатые джинсы и зеленую клетчатую байковую рубашку. И казался на десять лет моложе своего истинного возраста. – Джулия, Джулия!

Джулия отпустила руку Бобби, вошла в комнату и протянула руки к брату:

– Привет, сладенький!

Томас спешил к ней, волоча ноги, словно в каблуки и подошвы было залито столько свинца, что он не мог оторвать их от пола. Двадцатилетний Томас, на десять лет младше Джулии, ростом был на четыре дюйма ниже, едва достигая пяти футов. Он родился с синдромом Дауна, и этот диагноз мог прочесть на его лице даже человек, не связанный с медициной: широкий покатый лоб, вертикальные кожные складки, от которых глаза приобретали восточный разрез, плоская переносица, низко посаженные уши, голова непро-

порционально маленькая в сравнении с телом. Остальные черты лица сглаженные, с нечеткими контурами, зачастую характерные для психически неполноценных людей. И хотя такое лицо больше подходило для выражения грусти и одиночества, теперь на нем отразилась удивительная улыбка, улыбка искренней радости и счастья.

Именно так действовал на Томаса приезд Джулии.

«Черт, да и на меня она действует точно так же», – подумал Бобби.

Чуть наклонившись, Джулия обняла брата, когда он подошел к ней, они постояли, прижавшись друг к другу.

– Как ты? – спросила она.

– Хорошо, – ответил Томас. – У меня все хорошо, – говорил он невнятно, но понять его не составляло труда, потому что язык у него не столь деформировался, как у некоторых больных СД⁷. Он был чуть больше, чем следовало, но не трескался и не вываливался изо рта. – У меня действительно все хорошо.

– Где Дерек?

– В гостях. В комнате по коридору. Он вернется. У меня действительно все хорошо. А у тебя?

– И у меня, сладенький. Все отлично.

– И у меня отлично. Я люблю тебя, Джулия! – радостно воскликнул Томас, потому что с Джулией он напрочь лишился застенчивости, которой хватало при общении с кем-либо

⁷ СД – синдром Дауна.

еще. – Я так сильно тебя люблю.

– Я тоже люблю тебя, Томас.

– Я боялся... может, ты не приедешь.

– Но я же всегда приезжала.

– Всегда, – согласился он. Наконец-то отпустил сестру, высунулся из-за нее. – Привет, Бобби.

– Привет, Томас. Ты отлично выглядишь.

– Правда?

– Чтоб мне умереть, если я вру.

Томас рассмеялся. Сказал Джулии: «Он такой веселый».

– Меня тоже обнимут? – спросил Бобби. – Или я так и буду стоять с распростертыми руками, пока кто-то не примет меня за вешалку?

С неохотой Томас отошел от Джулии. Обнялся с Бобби. Даже после всех этих лет Томас все еще не чувствовал себя комфортно в компании с Бобби, и не потому, что они недолюбливали друг друга или между ними пробежала черная кошка. Просто Томас не любил перемен и привыкал к ним очень уж медленно. По прошествии семи лет замужество сестры оставалось для него переменной, к которой он все еще продолжал привыкать.

«Но он меня любит, – подумал Бобби, – возможно, так же сильно, как я – его».

Любить больных СД не составляло труда, особенно после того, как человек переступал через жалость, которую они вызывали, потому что в большинстве своем их отличали на-

ивность и простодушие, которые располагали к себе. Если исключить застенчивость, вызванную осознанием, что они не такие, как все, больные СД обычно более прямолинейны, более честны, чем здоровые люди, не способны на социальные игры и интриги, которые так портят взаимоотношения «обычных» людей. Прошлым летом здесь же, в «Сиело ви-ста», мать одного из пациентов сказала Бобби: «Иногда, наблюдая за ними, я думаю, что есть в них какая-то мягкость, какая-то особая доброта, благодаря которой они ближе к Богу, чем любой из нас». И Бобби чувствовал правоту ее слов, обнимая Томаса и глядя сверху вниз на его доброе обрюзгшее лицо.

– Мы помешали тебе сочинять стихотворение? – спросила Джулия.

Томас отпустил Бобби и поспешил к столу, где Джулия смотрела на журнал, из которого в момент их прихода он вырезал картинку. Открыл альбом, с которым работал, четырнадцать других, заполненных его произведениями, стояли в книжном шкафу у его кровати, и указал на двухстраничный разворот, полностью заклеенный вырезанными фотографиями, которые были расположены группами по несколько рядов, как стихотворные строфы.

– Это вчерашнее. Закончил вчера, – объяснил Томас. – Отняло у меня много времени, давалось очень трудно, но зато получилось... как надо.

Четырьмя или пятью годами раньше Томас решил, что хо-

чет стать поэтом, таким же, как какой-то человек, которого он увидел по телевизору и пришел в восторг. Степень умственной неполноценности среди больных синдромом Дауна сильно разнилась, от легкой до полного слабоумия. Томас был, конечно, умнее многих, но не мог научиться читать, а писал, да и то с трудом, только собственное имя. Но его это не остановило. Он попросил бумагу, клей, альбом и много старых журналов. Поскольку он редко о чем-то просил – а Джулия сдвинула бы горы, лишь бы ее брат получил все, что ему требовалось, – очень скоро пожелания Томаса были выполнены. «Разные журналы, – сказал он, – с красивыми картинками... но и со страшными тоже... со всякими». Из «Тайм», «Ньюсуик», «Лайф», «Хот рок», «Омни», «Севентин» и дюжины журналов других наименований он вырезал целые картинки и части картинок, раскладывал и приклеивал их так, словно они были словами, создавая некие последовательности образов, которые значили для него что-то важное. Некоторые «стихотворения» состояли из пяти картинок, на другие уходили сотни, причем, приклеенные, они действительно напоминали целые поэмы, написанные белым стихом.

Джулия взяла у него альбом и отошла к креслу у окна, чтобы сосредоточиться на его последнем сочинении. Томас остался у стола, озабоченно наблюдая за ней.

Его стихотворения в картинках не рассказывали какую-либо историю, не создавали некую последовательность

образов, но при этом и не возникало ощущения, что Томас бездумно клеил в альбом все подряд. Шпиль церкви, мышь, красивая женщина в изумрудном вечернем платье, поле маргариток, банка с колечками ананаса в сахарном сиропе компании «Доул», горка сдобных булочек, рубины, сверкающие на черном бархате в выставочном стенде, рыба с раззявленным ртом, смеющийся ребенок, молящаяся монахиня, женщина, плачущая над убитым на бог знает какой войне, пачка леденцов «Лайф-сейверс», щенок с обвисшими ушами, одетые в черное монахини с накрахмаленными белыми апостольниками... из этих и из тысяч других картинок, которые лежали в коробках, Томас выбирал элементы для своих композиций. С самого начала Бобби видел какую-то сверхъестественную правильность многих из выбранных Томасом сочетаний, ощущал в них какой-то глубокий и одновременно наивный, пусть и недоступный ему смысл, улавливал какой-то загадочный ритм, но, увы, на том все и заканчивалось. Тем не менее Бобби мог поклясться, что с годами стихотворения становились лучше, мастерство Томаса, несомненно, росло, хотя сам он по-прежнему ничего в них не понимал и не мог объяснить, на каких основаниях делал такой вывод. Наверное, срабатывала не логика, а интуиция, если не сказать шестое чувство.

Джулия оторвалась от двухстраничного стихотворения.

– Это прекрасно, Томас... Когда я смотрю на него, мне хочется... пробежать из дома на траву... стоять под бездон-

ным небом и, может, даже танцевать. Или просто откинуть голову назад и смеяться. Это стихотворение заставляет меня радоваться тому, что я живу.

– Да! – воскликнул Томас и хлопнул в ладоши.

Она передала альбом Бобби, и он присел на край кровати, чтобы «прочитать» последнее творение Томаса.

Самая удивительная особенность стихотворений Томаса заключалась в том, что они неизбежно вызывали эмоциональный отклик. Ни одно не оставляло читателя безучастным, как оставили бы бездумно собранные воедино образы. Иногда, глядя на работы Томаса, Бобби смеялся, случалось, они так трогали его, что он едва сдерживал слезы, бывало, испытывал страх, грусть, сожаление, удивление. Он не знал, почему именно так реагировал на то или другое стихотворение; эффект никакому анализу не поддавался. Композиции Томаса воспринимались на каком-то первичном уровне, находя отклик в еще более глубинных областях разума, чем подсознание.

Последнее стихотворение не стало исключением. Бобби почувствовал то же самое, что и Джулия: жизнь прекрасна, мир прекрасен, сам факт существования – радость.

Он поднял голову и увидел, что Томас ждет его комментариев с тем же нетерпением, с каким ждал комментариев Джулии, то есть мнение его для Томаса так же важно, как и ее, пусть он еще и стеснялся крепко и долго обнимать его, как обнимал сестру.

– Вау! – мягко ответил Бобби. – Томас, от этого стихотворения возникает такое теплое, трепетное чувство... Действительно, так и хочется выбежать на траву.

Томас заулыбался.

Иногда Бобби смотрел на брата жены и думал, что этот, увы, деформированный череп делят два Томаса. Томас первый, идиот, милый, но слабоумный, и Томас второй, такой же умный, как все нормальные люди, но занимал он только малую часть поврежденного мозга, который делил с Томасом первым, центральную часть, откуда у него не было прямого контакта с окружающим миром. Все мысли Томаса второго фильтровались через ту часть мозга, что принадлежала Томасу первому, и на выходе они не отличались от собственных мыслей Томаса первого. Вот почему мир мог узнать о существовании Томаса второго лишь благодаря стихотворениям-картинкам, квинтэссенции которых удавалось сохраниться даже после фильтрации через часть мозга, принадлежащую Томасу первому.

– У тебя такой талант. – Бобби говорил серьезно... почти завидовал.

Томас покраснел и опустил глаза. Поднялся и, волоча ноги, поспешил к мягко жужжащему холодильнику, который стоял у двери в ванную. Кормили пациентов в общей столовой, где по их просьбам подавали прохладительные напитки и закуски, но тем пациентам, умственные способности которых позволяли содержать комнаты в чистоте, разрешалось

иметь собственные холодильники, наполненные любимыми напитками и закусками. Самостоятельность и независимость пациентов, насколько позволяли их возможности, в интернате только приветствовались. Он достал три банки коки. Одну дал Бобби, вторую Джулии, с третьей вернулся к рабочему столу, сел, спросил:

– Вы ловили плохишей?

– Да, продолжаем наполнять ими тюрьмы, – ответил Бобби.

– Расскажите мне.

Джулия, сидевшая в кресле, наклонилась вперед, Томас пододвигал к ней стул с прямой спинкой, пока их колени не соприкоснулись, после чего она рассказала о событиях, происшедших прошлой ночью у здания «Декодайн корпорейшн». В ее рассказе Бобби показал себя куда большим героем, чем на самом деле, свою роль она несколько приуменьшила, не из скромности, но для того, чтобы не пугать Томаса слишком уж красочным описанием опасности, которой подвергалась. По-своему Томаса тоже отличал сильный характер. В противном случае он бы давно лежал на кровати, свернувшись калачиком, уставившись в угол и отказываясь подняться. Но потерю Джулии он бы не перенес. Сама мысль о ее уязвимости стала бы для него страшным ударом. Поэтому об автомобильной атаке и стрельбе она рассказывала с юмором, и реальные события в ее изложении превращались в фильм с обязательным счастливым концом. Бобби ее вер-

сия позабавила ничуть не меньше, чем Томаса.

Но какое-то время спустя Томас более не мог воспринимать тот поток информации, который продолжала изливать на него Джулия, и рассказ для него стал уже не забавным, а утомительным.

– Я наполнился, – сказал он.

Фраза эта означала, что он пытается переварить услышанное, но для продолжения места в его голове уже не осталось. Томаса притягивал мир за стенами «Сиело виста», часто ему хотелось стать его частью, но одновременно он находил этот мир слишком громким, слишком ярким, слишком многокрасочным, чтобы воспринимать его в больших дозах.

Бобби достал из книжного шкафа один из альбомов, сел на кровать, читая стихотворения-картинки.

Томас и Джулия сидели, как прежде, соприкасаясь коленями, отставив банки коки, взявшись за руки, иногда глядя друг на друга, иногда нет, ощущая близость друг к другу. Джулии эти ощущения требовались никак не меньше, чем Томасу.

Мать Джулии погибла, когда ей исполнилось двенадцать лет. Ее отец умер восемь лет спустя, за два года до того, как Бобби и она поженились. Ей тогда было только двадцать, она работала официанткой, чтобы иметь возможность оплачивать обучение в колледже и однокомнатную квартиру, которую снимала на пару с другой студенткой. Родители ее не были богатыми, хотя и оставили Томаса дома. На его содер-

жание и ушли практически все их небольшие накопления. Когда умер отец, Джулия не могла снимать квартиру для себя и Томаса, не говоря уже о том, чтобы оплачивать дорогостоящие услуги по уходу за ним, поэтому ей пришлось отдать брата в интернат для умственно неполноценных детей, который содержался на средства штата. И хотя Томас ничем не выражал своей обиды, сама она рассматривала принятое ею решение как предательство.

Джулия собиралась защитить диплом по криминалистике, но на третьем году обучения ушла из колледжа и перевелась в академию шерифов. Четырнадцать месяцев проработала помощником шерифа, прежде чем встретила Бобби и вышла за него замуж. Жила она, перебиваясь с хлеба на воду, совсем как какая-то бомжиха, экономя каждый цент, в надежде скопить сумму, достаточную для покупки дома, в котором могла бы жить с Томасом. Вскоре после их свадьбы, когда частное детективное агентство сменило название, из «Дакота инвестигейшнс» превратилось в «Дакота-и-Дакота», они перевезли Томаса к себе. Но нормированного рабочего дня у них не было, работали они, сколько требовало то или иное расследование, а больным СД, пусть они что-то и могли делать самостоятельно, требовался постоянный присмотр. Стоимость трех квалифицированных сиделок оказалась даже выше, чем стоимость содержания в таком первоклассном интернате, как «Сиело виста», но они предпочли бы сиделок, если б смогли найти надежных и ква-

лифицированных. Когда окончательно стало ясно, что работать, иметь личную жизнь и обеспечивать Томасу должный уход невозможно, они привезли его в «Сиело виста». И хотя трудно было представить себе более комфортабельный интернат, Джулия сочла, что вторично предала брата. А тот факт, что в «Сиело виста» он был счастлив, буквально расцвел, не уменьшало ее чувство вины.

Одна часть Мечты, немалая часть, состояла в том, чтобы иметь свободное время и достаточные материальные ресурсы, позволяющие забрать Томаса из интерната и перевезти домой.

Бобби оторвался от альбома, когда Джулия спросила:

– Томас, ты не хотел бы погулять с нами?

Томас и Джулия по-прежнему держались за руки, и Бобби увидел, как при словах Джулии напряглись пальцы Томаса.

– Мы могли бы съездить к океану. Погулять по берегу. Поесть мороженого. Что скажешь?

Томас нервно глянул на ближайшее окно, за которым синело чистое небо и летали морские чайки.

– Снаружи плохо.

– Немного ветрено, сладенький.

– Я не про ветер.

– Мы отлично проведем время.

– Снаружи плохо, – повторил он и начал жевать нижнюю губу.

Иногда он стремился выйти в мир, но случалось, что бо-

ялся его, словно в воздухе за пределами «Сиело виста» распылили сильнейший яд. Переубедить Томаса, когда у него возникал приступ агорафобии⁸, не представлялось возможным, и Джулия более не настаивала.

– Может, в следующий раз.

– Может. – Томас смотрел в пол. – Но сегодня там действительно плохо. Я... это чувствую... плохое... у меня по коже бежит холод.

Какое-то время Бобби и Джулия пытались заговаривать на разные темы, но Томас не откликался. Молчал, не шел на визуальный контакт, не подавал вида, что слышит их.

Наконец в комнате повисла тишина, которую Томас разорвал лишь через несколько минут:

– Не уходите пока.

– Мы не уходим, – заверил его Бобби.

– Если я не могу говорить... это не значит, что я хочу, чтобы вы ушли.

– Мы это знаем, малыш, – ответила Джулия.

– Я... вы мне нужны.

– Ты тоже мне нужен. – Джулия подняла одну из рук брата, с толстыми пальцами, и поцеловала костяшки.

⁸ *Агорафобия* – патологическая боязнь открытых пространств.

Глава 16

Купив электрическую бритву в аптечном магазине, Фрэнк Поллард побрился и умылся в туалете автозаправочной станции. Потом остановился у торгового центра, купил чемодан, нижнее белье, носки, пару рубашек, джинсы, разные мелочи. На автомобильной стоянке у торгового центра, где украденный «шеви» раскачивало порывами ветра, уложил все покупки в чемодан. Поехал в мотель в Ирвайне, снял номер на имя Джорджа Фарриса, воспользовавшись одним из двух комплектов документов, расплатился наличными из-за отсутствия кредитной карточки. Зато наличных хватало с лихвой.

Он мог бы остаться в окрестностях Лагуны, но чувствовал, что подолгу задерживаться в одном месте нельзя. Возможно, его осторожность основывалась на опыте, который дался дорогой ценой. А может, он бежал так долго, что, оставаясь, более не чувствовал себя в своей тарелке.

Номер мотеля оказался большим, чистым, у дизайнера интерьера был хороший вкус. Белое дерево, светло-синяя и персиковая обивка стульев, светло-зеленые занавески. Общий стиль был подпорчен разве что коричневым в крапинку ковром, выбранным лишь потому, что хорошо скрывал пятна. В результате создавалось ощущение ирреальности, казалось, что легкая, воздушная мебель не стоит на темном ков-

ре, а парит над ним.

Запершись в номере, Фрэнк просидел на кровати, подложив под спину гору подушек. Телевизор он включил, но не смотрел на экран. Вместо этого пытался заглянуть в черную дыру собственного прошлого. Старался изо всех сил, но не мог вспомнить ту часть своей жизни, что предшествовала его пробуждению в темном проулке прошлой ночью. Какой-то странный и крайне враждебный образ формировался на границе воспоминаний, и Фрэнк с неохотой начал склоняться к мысли, что, возможно, в его случае потеря памяти — счастье.

Ему требовалась помощь. С учетом дорожной сумки, набитой долларами, и двух комплектов документов он полагал, что к властям обращаться неразумно. Взял с одного из прикроватных столиков увесистый том «Желтых страниц», просмотрел раздел частных детективов. Но слова эти, «частный детектив», вызывали в памяти фильмы с Хэмфри Богартом⁹ и казались анахронизмом в этот современный век. Как человек в длинном пальто и широкополой шляпе сумеет помочь ему вернуть память?

В конце концов под завывания ветра Фрэнк вытянулся на кровати, чтобы компенсировать хотя бы часть сна, которого его лишили прошлой ночью.

⁹ Среди множества ролей *Хэмфри Богарт* (1899–1957) блестяще сыграл частных детективов Сэма Спейда («Мальтийский сокол») и Филипа Марлоу («Большой сон»).

А несколько часов спустя, примерно за час до наступления темноты, внезапно проснулся, вскрикивая, жадно ловя ртом воздух. Яростное биение сердца грозило разнести грудную клетку.

Сев и перекинув ноги через край кровати, он увидел, что руки его влажные и алые. На рубашке и джинсах появились пятна крови. Часть крови, но, несомненно, не вся была его собственной, потому что на обеих руках кровоточили глубокие царапины. Саднило лицо, и в ванной в зеркале над раковиной он увидел две длинные царапины на правой щеке, третью – на левой, а четвертую – на подбородке.

Он не мог понять, как такое могло случиться с ним во сне. Он сам поцарапал себя в снявшемся ему кошмаре? Но он не помнил никакого кошмара, и никто другой не мог подобраться к нему и так расцарапать, потому что он бы сразу проснулся. Получалось, что он бодрствовал, когда все это произошло, а потом вновь улегся на кровать и заснул, полностью забыв про этот инцидент, точно так же, как полностью забыл свою жизнь до того момента, как очнулся в проулке прошлой ночью.

В панике он вернулся в спальню, обошел кровать, заглянул в стенной шкаф. Не знал, что искал. Возможно, труп. Не нашел ничего.

Сама мысль об убийстве вызывала у него тошноту. Он знал, что не способен убить, разве что при самозащите. Тогда кто расцарапал ему лицо и руки? Чья на нем кровь?

Фрэнк вновь прошел в ванную, снял испачканную одежду, скрутил и связал в тугой узел. Вымыл лицо и руки. Вместе с другими бритвенными принадлежностями он купил кровоостанавливающий карандаш и воспользовался им, чтобы остановить кровотечение.

Когда встретился взглядом с отражением собственных глаз в зеркале, в них стоял такой страх, что он тут же отвернулся.

Фрэнк переоделся в чистое, схватил с комода ключи от автомобиля. Он боялся того, что может обнаружиться в салоне или багажнике.

У двери, открывая врезной замок, отметил, что ни дверная коробка, ни сама дверь в крови не измазаны. Если бы он провел какую-то часть второй половины дня вне номера, а потом вернулся с залитыми кровью руками, он точно не стал бы оттирать дверь, прежде чем улечься на кровать. И потом, он не видел в номере окровавленных полотенец или салфеток, которыми мог бы стирать с двери пятна крови.

Над головой висело чистое небо, яркое солнце подобралось к самому западному горизонту. Кроны растущих у мотеля деревьев гнулись и тресали под холодным ветром.

На бетонной дорожке, которая вела к двери его номера, крови не было. Как и в салоне автомобиля. Как и в багажнике.

Стоя у открытого багажника, Фрэнк смотрел на залитый солнечным светом мотель, на стоянку. В трех номерах от

него мужчина и женщина лет двадцати пяти вынимали чемоданы из их черного «понтиака». Еще одна пара и их дочь-школьница спешили по крытой дорожке к ресторану мотеля. Фрэнк осознал, что он не мог выйти из номера, совершить убийство и вернуться незамеченным при свете дня и залитый кровью.

В номере он подошел к кровати, занялся изучением смятых простыней. Да, алые пятна на них были, но простыни не пропитались кровью, как обязательно случилось бы, если бы кого-то убили на этой кровати. Конечно, если бы вся кровь была его, она бы в основном попала на рубашку и джинсы. Но он по-прежнему не мог поверить, что расцарапал себя во сне (одна рука царапала другую, обе – лицо), не пробудившись.

А кроме того, его расцарапали острыми ногтями, тогда как у него ногтей практически не было, он обгрыз их до кожицы.

Глава 17

К югу от интерната «Сиело виста», между Корона-дель-Мар и Лагуной, Бобби загнал «самурай» в угол автомобильной стоянки общественного пляжа. Вместе с Джулией спустился к воде.

Поверхность моря напоминала синевато-зеленый, с прожилками серого мрамор. Между волнами вода темнела, ближе к гребню, наоборот, светлела, пробиваемая лучами большего заходящего солнца. Волна за волной накатывала на берег, большие, но не огромные, с шапками пены, которую то и дело срывал ветер.

Серфингисты в черных гидрокостюмах руками гнали доски в океан, навстречу большой волне, чтобы до наступления сумерек прокатиться на ней в последний раз. Другие, тоже в гидрокостюмах, стояли кружком, пили что-то горячее из термосов или газированное из банок. Для загара день выдался слишком холодным, поэтому, кроме серфингистов, на пляже никого не было. Бобби и Джулия нашли небольшой холм, достаточно далеко от воды, чтобы до них не долетали брызги от волн. Сели на жесткую траву, которая островками росла на песчаной, с избытком соли почве.

– В таком месте, – первой заговорила Джулия. – С таким видом. Не очень большой дом.

– Большой и не нужен. Одна гостиная. Спальня для нас,

вторая – для Томаса, может, уютный кабинет-библиотека с книжными стеллажами.

– Нам даже не нужна столовая, но я хотела бы большую кухню.

– Да. Кухню, в которой можно жить.

Джулия вздохнула:

– Музыка, книги, настоящая домашняя еда вместо той, что мы перехватываем на ходу, много времени, чтобы сидеть на крыльце и наслаждаться открывающимся с него видом... и мы трое, вместе.

Это была последняя часть Мечты: домик у моря, простая, неприхотливая жизнь и финансовые ресурсы, позволяющие уйти на пенсию на двадцать лет раньше положенного срока.

У Бобби и Джулии было много общего, и среди прочего – четкое осознание, что жизнь коротка. Разумеется, об этом знали все, но большинство людей отгоняли эту мысль, живя так, словно впереди у них бесконечные завтра. Если бы большинство людей не закрывали глаза на неизбежность смерти, они бы не волновались до такой степени из-за исхода спортивного матча, не переживали, следя за перипетиями сюжета мыльной оперы или кознями политиков, не обращали бы внимания на многое и многое другое, сущие пустяки в сравнении с приходом бесконечной ночи, которая в конце концов наступала для каждого. Они бы не тратили время, стоя в очереди в кассу в супермаркете или проводя его в компании дураков и зануд. Возможно, за этим миром людей ждет

еще один, может, он называется раем, но рассчитывать на это не стоило. Рассчитывать можно только на темноту. При таком раскладе самообман следовало почитать за счастье. Ни Бобби, ни Джулия не были нытиками. Она знала, как наслаждаться жизнью, он в этом от нее не отставал, но ни один из них не принимал хрупкую иллюзию бессмертия, которая для большинства людей служила защитой от признания неминуемости смерти. Бобби и Джулия отдавали себе отчет в том, что смерти не избежать, но при этом их не переполняла тревога, они не впадали в депрессию. Просто отличались сильным желанием не посвящать всю жизнь бессмысленной суете, изыскивали финансовые возможности, которые позволили бы прожить многие и многие годы, как им того хотелось.

С развевающимися на ветру каштановыми волосами, Джулия, прищурившись, всматривалась в далекий горизонт, залитый медово-золотым светом заходящего солнца.

– Что пугает Томаса в окружающем мире, так это люди, много людей, – продолжила Джулия. – Но он будет счастлив в маленьком домике, на тихом берегу, при минимуме людей. Я уверена, будет.

– В этом нет никаких сомнений, – заверил ее Бобби.

– К тому времени, когда агентство станет таким большим, что его можно будет продать, земля на южном берегу сильно подорожает. Но земли много и к северу от Санта-Барбары.

– Берег длинный. – Бобби обнял жену. – Мы еще сможем найти место на юге. И у нас будет время, чтобы насладиться

нашей покупкой. Мы не сможем жить вечно, но мы молоды. Наши номера выпадут через многие и многие годы.

Но он вспомнил предчувствие, которое ощутил этим утром в кровати, после сладчайших минут близости, предчувствие, что в этом продуваемом всеми ветрами мире появилось что-то ужасное, появилось с тем, чтобы забрать у него Джулию.

Солнце коснулось горизонта и снизу начало таять. Золотистый свет плавно перетек в оранжевый, потом в кроваво-красный. Трава и высокие сорняки у них за спиной шуршали от ветра, а когда Бобби обернулся, ветер гнал по склону между пляжем и автостоянкой песчаные вихри, напоминавшие призраков, сбежавших с кладбища перед самым закатом. С востока стена ночи надвигалась на мир. С заходом солнца заметно похолодало.

Глава 18

Конфетка проспал весь день в большой спальне, где раньше спала мать, вдыхая особый, свойственный только ей запах. Два или три раза в неделю он осторожно вытряхивал несколько капель ее любимых духов, «Шанель номер пять», на носовой платок, который лежал на туалетном столике рядом с ее серебряными расческой и щеткой для волос, а потому каждый вдох в этой комнате напоминал ему о ней. Если он наполовину просыпался, чтобы поправить подушку или укутаться в одеяло, аромат духов успокаивал его лучше любого транквилизатора. С улыбкой на лице он вновь погружался в глубокий сон.

Спал он в тренировочных брюках и футболке. Найти пижаму на его габариты было сложно, а из скромности он не мог заставить себя лечь в постель голым или даже в нижнем белье. Конфетка стеснялся полностью раздеваться, даже когда рядом никого не было.

В этот четверг яркое зимнее солнце наполняло светом окружающий мир, но не могло прорваться сквозь расшитые розами тяжелые портьеры и розовые занавески, которые охраняли два окна спальни. Несколько раз, просыпаясь и оглядываясь в темноте, Конфетка видел только перламутрово-серое свечение зеркала да блеск серебряных рамок фотографий, стоявших на прикроватном столике. Одурманен-

ный сном и ароматом духов, которые он капнул на носовой платок, перед тем как лечь в постель, Конфетка легко мог представить себе, что любимая мама сидит в кресле-качалке, приглядывает за ним, и чувствовал себя в полной безопасности.

Окончательно он проснулся перед самым закатом, какое-то время полежал, закинув руки за голову, глядя на потолок, который висел над кроватью. Полога Конфетка, разумеется, не видел, но знал, что он есть, и перед его мысленным взором возникала расшитая розами материя. Он думал о матери, о лучших днях своей жизни, оставшихся в прошлом, потом мысли перенеслись к девочке, юноше и женщине, которых он убил прошлой ночью. Попытался вспомнить вкус их крови, но воспоминание это не было столь же живым, как другие, связанные с матерью.

Наконец он включил лампу на столике у кровати, оглядел уютную, до мелочей знакомую комнату: обои с розами, покрывало с розами, портьеры с розами, розовые занавески и ковры, кровать, туалетный столик и комод на высоких ножках из темного красного дерева. Два вязаных шерстяных платка, один зеленый, цвета листьев розы, другой – цвета лепестков, лежали на подлокотниках кресла-качалки.

Конфетка прошел в примыкающую к спальне ванную, запер дверь, проверил, надежно ли. Единственным источником света служила забранная под матовое стекло флуоресцентная лампа у потолка над раковиной, потому что окошко

он давно уже закрасил черной краской.

Несколько мгновений он смотрел на свое отражение в зеркале, потому что ему нравилось, как он выглядит. В своем лице он мог видеть мать. Ему достались ее светлые, практически белые волосы, ее глаза цвета морской синевы. И пусть черты лица были резкими, мужскими, лишенными ее красоты и мягкости, большой рот с полными губами был точно таким же, как у нее.

Раздеваясь, Конфетка отводил глаза от своего тела. Он гордился мощными плечами и руками, широкой грудью, мускулистыми ногами, но одного взгляда на половой орган хватало, чтобы ему становилось дурно. Он опустил на сиденье унитаза, чтобы справить малую нужду. Принимая душ, он, прежде чем намылить промежность, надел рукавицу, сшитую из двух полотенец, чтобы плоть руки не соприкасалась с мерзкой плотью внизу.

Вытеревшись насухо и одевшись – высокие носки, кроссовки, серые брюки, черная рубашка, – он осторожно покинул свое надежное убежище – спальню матери. Наступила ночь, и коридор на втором этаже тускло освещался двумя слабыми лампочками под стеклянным колпаком, покрытым толстым слоем серой пыли. Слева находилась лестница, справа – комната сестер, его прежняя комната и вторая ванная. Все двери были открыты, нигде не горел свет. Дубовый пол скрипел, вытертая, изношенная дорожка совершенно не глушила шаги. Иногда он думал, что в доме следует прове-

сти генеральную уборку, может, даже покрасить стены и заменить напольные дорожки, однако, пусть он и поддерживал в спальне матери безупречную чистоту и порядок, ему не хотелось тратить деньги на остальную часть дома, а его сестер домашнее хозяйство не интересовало. Скорее, они не умели его вести.

Шум мягких шагов предупредил его о приближении кошек, и он остановился, не дойдя пары шагов до лестницы, боясь, что наступит одной из них на хвост или лапу. Через мгновение они появились над верхней ступенькой и устремились в коридор, все двадцать шесть, если его последний подсчет не отстал от жизни. Одиннадцать черных, несколько черно-коричневых, темно-коричневых и угольно-серых, две темно-золотистые и только одна белая. Виолет и Вербина, его сестры, предпочитали темных кошек, чем темнее, тем лучше.

Животные мельтешили вокруг, наступали на кроссовки, терлись о лодыжки, оплетали хвостами голени. Две ангорские, абиссинская бесхвостая, мальтийская, но в основном беспородные. С зелеными глазами, желтыми, серебристо-серыми, синими, и все с интересом рассматривали его. Ни одна не замурлыкала, не мяукнула. Инспекция проходила в полной тишине.

Конфетка не испытывал особой любви к кошкам, но этих терпел, и не только потому, что они принадлежали его сестрам. По существу, они являлись частью Виолет и Вербины.

Он чувствовал, что ударить их, сказать им грубое слово – все равно что ударить или накричать на сестер. А вот этого он сделать не мог, потому что лежащая на смертном одре мать наказала ему заботиться о девочках и защищать их.

Менее чем через минуту кошки решили, что их миссия выполнена, и все как одна отвернулись от него. Помахивая хвостами, многоголовой меховой многоножкой двинулись к лестнице и скатились с нее.

Когда он поставил ногу на первую ступеньку, они уже поворачивали с промежуточной лестничной площадки на второй пролет, скрываясь из виду. Когда спустился в коридор первого этажа, кошек уже не было. Он пересек гостиную, где не горел свет и пахло пылью. Из кабинета-библиотеки тянуло запахом плесени. Его источником служили полки, заставленные женскими романами, которые так любила мать. Когда Конфетка проходил через тускло освещенную столовую, под ногами хрустел мусор.

Виолет и Вербину он нашел на кухне. Они были сестрами-близняшками, неотличимыми, как две капли воды: блондинки с белоснежной бархатистой кожей, голубыми глазами, высокими скулами, алыми губками, которым не требовалась помада, и ровными мелкими зубами, чем-то похожими на зубы их кошек.

Конфетка пытался любить своих сестер, но не сложилось. Ради матери не мог относиться к ним плохо, а потому испытывал к ним полное безразличие, делил с ними дом, но не

чувствовал, что они входят в его семью. Они были слишком тощими, думал он, слишком хрупкими, слишком бледными существами, которые редко видели солнце. И действительно, солнечные лучи практически не согревали его сестер, потому что все свое время они предпочитали проводить под крышей дома. Он видел, что ногти их тонких ручек аккуратно подстрижены и покрашены. На уход за своим телом они тратили не меньше времени, чем их кошки. Но Конфетке казалось, что пальцы у них слишком уж длинные, неестественно гибкие. Их мать была женщиной в теле, пышущей здоровьем, с ярким румянцем во всю щеку, и Конфетке оставалось только гадать, как такая полная жизни женщина могла произвести на свет столь чахлую пару.

Один угол большой кухни близняшки застелили шестью слоями одеял из хлопчатобумажной ткани, чтобы кошкам было где полежать. На самом-то деле они заботились о себе, одеяла служили мягкой подстилкой им, потому что в компании кошек они проводили многие часы. И в этот раз, войдя в кухню, Конфетка нашел сестер на одеялах. Кошки сидели и вокруг, и у них на коленях. Виолет пилкой обтачивала ногти Вербины. Ни одна из сестер не подняла головы, хотя, естественно, они поздоровались с ним через кошек. Вербина в присутствии Конфетки не произнесла ни слова за все двадцать пять лет своей жизни (близняшки были моложе его на четыре года), и он так и не знал, не может она говорить, не хочет или стесняется, когда он рядом. Виолет молчали-

востью не отличалась от сестры, но все-таки говорила с ним по необходимости. В данный момент, однако, она сочла, что говорить не о чем.

Стоя у холодильника, наблюдая, как обе они склонились над правой бледной рукой Вербины, Конфетка решил, что пристрастен в своих суждениях о сестрах. Другим мужчинам они могли очень даже нравиться. Если он находил их конечности очень уж тощими, то другие наверняка полагали худобу эротичной. Взять, скажем, ноги балерин, руки акробатов. Опять же белоснежная кожа, приличных размеров грудь. Он (какое счастье!) был начисто лишен сексуального интереса, а потому, скорее всего, не мог правильно оценить их сексуальную привлекательность.

Как обычно, одевались они по минимуму, тому минимуму, который он мог терпеть, не приказав им одеться. Зимой они поддерживали в доме очень высокую температуру и ходили, как и сейчас, в футболках и коротких шортах или трусиках, босиком, с голыми руками и ногами. Только в спальне матери, которая после ее смерти стала его спальней, было прохладнее, потому что он перекрыл трубы отопления. Его присутствие требовало от сестер соблюдения минимальных приличий, а не то они шастали бы по дому голыми.

Виолет очень неторопливо приводила в порядок ноготь большого пальца Вербины, и обе смотрели на этот ноготь так пристально, словно рассчитывали найти в нем разгадку смысла жизни.

Конфетка достал из холодильника швейцарский сыр, консервированную ветчину, горчицу, банку маринованных огурчиков, пакет молока. С одной из полок взял хлеб, сел к пожелтевшему от времени кухонному столу.

Стол, стулья, буфеты, полки когда-то сияли белизной. Теперь сменили цвет на желтовато-белый, серо-белый, кое-где потрескались. Обои с веселенькими маргаритками запачкались, отклеились в некоторых швах. Ситцевые занавески провисли под накопившейся на них грязью и пылью.

Конфетка сделал и съел два больших сэндвича с сыром и ветчиной. Молоко пил прямо из пакета.

Внезапно все двадцать шесть кошек, лениво развалившихся на близняшках и вокруг, одновременно вскочили и проследовали к заслонке на петлях, которая занимала нижнюю часть входной двери, чуть ли не строем вышли на улицу. Вероятно, пришла пора справить нужду. Виолет и Вербина не хотели, чтобы в доме стоял запах кошачьих туалетов.

Конфетка закрыл глаза и глотнул молока. Он бы предпочел, чтобы молоко было комнатной температуры и даже чуть теплее. Отдаленно оно напоминало кровь, хоть и не обладало присущей крови остротой. Не будь молоко охлажденным, оно бы в большей степени напоминало кровь.

Через пару минут кошки вернулись. Теперь Вербина лежала на спине, с подушкой под головой, закрыв глаза. Губы шевелились, словно она разговаривала сама с собой, но ни единого звука с них не слетало. Она протянула сестре дру-

гую худенькую руку, и та принялась методично обрабатывать ногти. Длинные ноги Вербина раскинула в стороны, так что Конфетке открылась ее промежность. Одета она была в футболку и тоненькие, персикового цвета трусики, которые скорее подчеркивали, чем скрывали ее половую щель. Молчаливые кошки облепили ее, похоже более озабоченные приличиями, чем она, и бросали на Конфетку укоряющие взгляды, словно знали, куда он смотрит.

Он уставился на крошки на столе.

– Фрэнки был здесь, – нарушила тишину Виолет.

Поначалу его больше удивил сам факт, что она заговорила. Потом до него дошел смысл сказанных ею слов. Не просто дошел – потряс. Конфетка так резко поднялся, что свалил стул.

– Здесь? В доме?

Ни кошки, ни Вербина не дернулись от грохота упавшего стула, от резкости его голоса. Продолжали сонно лежать, безразличные к посторонним шумам.

– Снаружи. – Виолет сидела на полу рядом с распростертым телом сестры, обрабатывала ногти. Говорила низким голосом, чуть ли не шепотом. – Наблюдал за домом из-за зеленой изгороди.

Конфетка глянул в ночь за окнами:

– Когда?

– Около четырех часов дня.

– Почему ты не разбудила меня?

– Он пробыл недолго. Он никогда не задерживается. Минута, две, а потом уходит. Он боится.

– Ты его видела?

– Я знала, что он там.

– Ты не попыталась остановить его, не дать уйти?

– Как я могла? – В голосе слышалось раздражение, но звучал он так же соблазнительно, как и прежде. – Кошки, впрочем, побежали за ним.

– Ему от них досталось?

– Немного. Не так чтобы сильно. Но он убил Саманту.

– Кого?

– Нашу бедную маленькую кошечку. Саманту.

Конфетка не знал клички кошек. Он воспринимал их не отдельными особями, а единым существом. Они и передвигались, словно одно существо, и, похоже, так же и думали.

– Он убил Саманту. Размозжил ей голову о каменный столб в конце дорожки. – Наконец-то Виолет посмотрела на Конфетку, оторвав взгляд от руки сестры. Ее глаза вроде бы стали чуть светлее, напоминая две голубые ледышки. – Я хочу, чтобы ты причинил ему боль, Конфетка. Я хочу, чтобы ты причинил ему сильную боль. Отомстил за то, что он сделал с нашей киской. И плевать мне на то, что он наш брат, я...

– Он больше не наш брат. После того, что он натворил. – В голосе Конфетки звучала ярость.

– Я хочу, чтобы ты поступил с ним так же, как он поступил с нашей бедной Самантой. Я хочу, чтобы ты раздавил

его, Конфетка, я хочу, чтобы ты разбил ему голову, чтобы череп у него треснул и мозги полетели во все стороны. – Она продолжала все так же приглушенно говорить, а он – слушать, зачарованный ее словами. В такие моменты, как сейчас, когда голос ее звучал более чувственно, чем обычно, он не просто отражался от барабанных перепонок, но заползал в голову, туманил мозг. – Я хочу, чтобы ты бил его, рвал, колотил, пока не переломал бы все кости, не вытащил все внутренности, и я хочу, чтобы ты вырвал ему глаза. Я хочу, чтобы он пожалел о том, что убил Саманту.

Конфетку затрясло.

– Если я доберусь до него, то убью, но не из-за того, что он сделал с вашей кошкой. Из-за того, что он сделал с нашей матерью. Или ты не помнишь, что он с ней сделал? Как ты можешь требовать мести за кошку, если мы еще не рассчитались с ним за содеянное с матерью после семи долгих лет?

Она помрачнела, отвернулась от Конфетки, замолчала.

Кошки спрыгнули с распростертого тела Вербины.

Виолет частично легла на сестру, частично привалилась к ней. Руку положила на груди Вербины. Их ноги переплелись.

Выйдя из транса, Вербина принялась гладить шелковистые волосы сестры.

Кошки вернулись, облепили обеих сестер.

– Фрэнк был здесь. – Конфетка, похоже, говорил сам с собой, пальцы его сжались в кулаки.

Ярость нарастала в нем, как зародившаяся высоко в горах

и двинувшаяся по склону лавина. Однако он не мог позволить себе дать волю ярости, знал, что должен держать себя в руках. Шторм ярости вспоил бы водой семена его черной потребности. Его мать одобрила бы убийство Фрэнка, потому что Фрэнк предал семью. Смерть Фрэнка пошла бы семье только на пользу. Но если бы Конфетка позволил злости, которую он испытывал к брату, перерасти в ярость, тогда он не смог бы найти Фрэнка, ему пришлось бы убить кого-то еще, потому что жажда крови стала бы слишком сильной. Его мать, в раю, устыдилась бы, на какое-то время отвернулась бы от него, пожалела о том, что родила такого сына.

Вскинув глаза к потолку, к невидимым небесам, где находилось Царство Божие, в котором сейчас пребывала мать, Конфетка пообещал ей: «Со мной все будет в порядке. Я не потеряю контроль над собой. Не потеряю».

Он отвернулся от сестер и их кошек, чтобы посмотреть, не осталось ли каких-либо следов Фрэнка около зеленой изгороди или столба, ударом о который его брат убил Саманту.

Глава 19

Бобби и Джулия пообедали в ресторане «У Оззи», в Ориндже, потом перебрались в бар. Музыкальное сопровождение обеспечивал Эдди Дей, певец с сильным приятным голосом. Исполнял в основном современные песни, но перемежал их хитами пятидесятых и начала шестидесятых годов. Не эры больших оркестров, но раннего рок-н-ролла, в котором еще чувствовались веяния свинга. Они могли танцевать свинг под «Любовника-мечту», румбу под «Ла бамбу». В репертуаре Дея нашлось место и ча-ча-ча, и песням в стиле диско, так что Бобби и Джулия отлично проводили время.

Джулия всегда любила потанцевать после поездки к Томасу в «Сиело виста». Уходя с головой в музыку, ей удавалось забыть обо всем, и прежде всего о чувстве вины. Она растворялась в танце, думая лишь о последовательности движений. Музыка успокаивала, танец наполнял сердце радостью и вызывал анестезию в тех его местах, что ранее испытывали особенно сильную боль.

Когда музыканты ушли на перерыв, Бобби и Джулия пили пиво за столиком у танцплощадки. Говорили о разном, только не о Томасе и в конце концов добрались до Мечты, точнее, речь пошла о том, как обставят они бунгало на берегу океана, если когда-нибудь купят его. И хотя они не хотели тратить на мебель целое состояние, оба сошлись на том, что должны

побаловать себя двумя предметами из эпохи свинга: бронзово-мраморным комодом в стиле ар-деко Эмиля-Жака Рулмана и, безусловно, музыкальным автоматом «Уэрлитзер».

– Модель девятьсот пятьдесят, – уточнила Джулия. – Великолепная машина. Трубки с пузырьками. Прыгающие газели на передней панели.

– Их изготовили меньше четырех тысяч. Вина лежит на Гитлере. Компания переключилась на военную продукцию. Модель пятисотая тоже ничего... или семисотая.

– Ничего, но с девятьсот пятидесятой им не сравниться.

– Они не так дороги, как девятьсот пятидесятая.

– Ты считаешь центы, когда мы говорим об идеале красоты?

– Идеал красоты – «Уэрлитзер – девятьсот пятьдесят»?

– Конечно. А что еще?

– Для меня идеал красоты – это ты.

– Спасибо, милый. Но я все равно хочу девятьсот пятидесятую.

– Разве для тебя идеал красоты – не я? – Он захлопал ресницами.

– Для меня ты всего лишь упрямец, который не позволяет мне прикупить «Уэрлитзер – девятьсот пятьдесят». – Она наслаждалась игрой.

– А как насчет «Сибурга»? «Паккард Пла-Мор»? Ладно, а «Рок-ола»?

– «Рок-ола» изготавливала прекрасные музыкальные ав-

томаты, – согласилась она. – Мы купим один из них и «Уэрлитзер – девятьсот пятьдесят».

– Ты собираешься тратить деньги, как пьяный матрос.

– Я родилась, чтобы быть богатой. Аист заблудился. Не отнес меня к Рокфеллерам.

– Тебе не хотелось бы добраться сейчас до этого аиста?

– Я с ним рассчиталась давным-давно. Зажарила и съела на рождественский обед. Вкус отменный, но я предпочла бы стать Рокфеллером.

– Ты счастлива? – спросил Бобби.

– Не то слово. И дело не только в пиве. Не знаю почему, но давно уже мне не было так хорошо, как в этот вечер. Я думаю, мы добьемся всего, что наметили, Бобби. Я думаю, мы рано уйдем на пенсию и будем долго и счастливо жить у самого синего моря.

Пока она говорила, улыбка сползала с его лица. Теперь же он хмурился.

– Чего ты такой кислый?

– Ничего.

– Меня не проведешь. Ты весь день сам не свой. Ты пытаешься что-то скрыть, но мысль эта не выходит у тебя из головы.

Он отпил пива.

– Видишь ли, у тебя возникло хорошее предчувствие, что все у нас сложится в лучшем виде, а у меня – плохое.

– Плохое? У тебя?

Он продолжал хмуриться.

– Может, тебе какое-то время поработать в офисе, подальше от передовой?

– Это еще почему?

– У меня плохое предчувствие.

– И о чем речь?

– Я потеряю тебя.

– Только попробуй.

Глава 20

Невидимой дирижерской палочкой ветер управлял хором шепчущих голосов зеленой изгороди. Густой кустарник образовывал стену высотой в семь футов, которая с трех сторон окружала участок площадью в два акра. Кустарник мог бы вырасти куда выше, если бы Конфетка дважды в год не подрезал его.

Он открыл железную, кованую, высотой по грудь калитку между двумя каменными столбами и вышел на усыпанную гравием обочину дороги. Слева от него двухполосное шоссе уходило в горы. Справа спускалось к далекому берегу, мимо других домов. Участки, на которых они стояли, с приближением к океану уменьшались и в городе составляли разве что десятую часть участка Поллардов. По мере того как земля сбегала к океану, огней в темноте только прибавлялось, но в нескольких милях от Конфетки огни эти резко обрывались, словно утыкались в черную стену. И стеной этой являлось ночное небо над холодными, без единого огонька океанскими просторами.

Конфетка двинулся вдоль изгороди, пока не почувствовал, что подошел к месту, где стоял Фрэнк. Поднял большие руки, растопырил пальцы, прикоснулся к трепещущим на ветру листочкам в надежде, что на листве брат оставил мысленный след. Напрасно.

Раздвинув ветви, сквозь зазор всмотрелся в дом, который в темноте выглядел бóльшим, чем был на самом деле, комнат на восемнадцать или двадцать, хотя на самом деле их было только десять. В окнах, выходящих на фасад, свет не горел, лишь кухонное окно светилось сквозь грязные ситцевые занавески. И если бы не это окно, создавалось полное впечатление, что дом заброшен. Крыша над крыльцом просела, несколько столбиков балюстрады сломались, ступени, ведущие на крыльцо, покосились. Даже при слабом свете полумесяца Конфетка видел, что дом нуждался в покраске. Во многих местах проступило дерево, в других краска шелушилась и отслаивалась.

Конфетка пытался поставить себя на место Фрэнка, представить, что заставляло Фрэнка возвращаться. Фрэнк боялся Конфетку, и не без причины. Он также боялся своих сестер и всех воспоминаний, которые вызывал у него дом, поэтому ему вроде бы следовало держаться от дома подальше. Но он часто подкрадывался к дому, что-то искал, возможно, сам не понимал, что именно ему тут нужно.

В раздражении Конфетка отпустил ветки, вернулся к калитке. Постоял у одного столба, потом у другого в поисках того места, где Фрэнк отбился от кошек и убил Саманту. Ветер дул уже не так сильно, как днем, но тем не менее высушил кровь на камнях, а темнота спрятала оставшиеся пятна. Однако Конфетка не сомневался, что сможет найти место убийства. Он осторожно прикоснулся к столбу выше, ни-

же, с четырех сторон, будто боялся, что камень обожжет его. И пусть он терпеливо обследовал и неровную поверхность камней, и цементные швы, но даже с его сверхъестественными способностями не мог уловить ауру брата.

Он торопливо зашагал по потрескавшейся бетонной дорожке, чтобы покинуть холодную ночь и вернуться в тепло дома, на кухню, где его сестры сидели на одеялах в кошащем углу. Вербина устроилась позади Виолет, с расческой в одной руке, щеткой для волос – в другой, занимаясь светлыми волосами сестры.

– Где Саманта? – спросил Конфетка.

Вскинув голову, Виолет удивленно посмотрела на него:

– Я же тебе сказала. Умерла.

– Где тушка?

– Здесь. – Виолет обеими руками обвела лежащих вокруг кошек.

– Которая из них? – спросил Конфетка. Половина кошек лежали неподвижно, словно мертвые.

– Все, – ответила Виолет. – Теперь они все – Саманта.

Этого Конфетка и боялся. Всякий раз, когда одна из кошек умирала, близняшки размещали остальных кошек кружком, трупик клали на середину, а потом живые получали молчаливый приказ сожрать мертвую.

– Черт, – вырвалось у Конфетки.

– Саманта по-прежнему жива, она все еще часть нас. – Голос Виолет, такой же низкий и волнующий, стал более мечта-

тельным. — Никто из наших кошечек не покидает нас. Часть ее... его... остается в каждом из нас... благодаря этому мы становимся сильнее и чище, и всегда вместе, отныне и навсегда.

Конфетка не спросил, участвовали ли сестры в трапезе, потому что и так знал ответ. Виолет облизала уголок рта, словно вспоминая вкус съеденного, и ее влажные губы заблестели. И тут же язык Вербины прошелся по ее губам.

Иногда у Конфетки возникало ощущение, что близняшки принадлежат к совсем другому виду живых существ, потому что он редко мог понять их позицию и поведение. А когда они смотрели на него, особенно Вербина, с ее постоянным молчанием, их лица и глаза не открывали ни мыслей, ни чувств, оставались такими же непроницаемыми, как у кошек.

Он очень смутно понимал тесную связь близняшек с кошками. Но это был дар, полученный ими от их благословенной матери, вроде тех даров, что получил от нее он сам, поэтому Конфетка не сомневался в том, что связь эта близняшкам только во благо.

И однако, ему хотелось ударить Виолет, потому что она не сберегла для него тушку. Знала, что Фрэнк прикасался к ней, что тушка нужна Конфетке, но не сберегла до того момента, как он проснулся, не поднялась на второй этаж, чтобы разбудить его раньше. Ему хотелось ударить ее, но она была его сестрой, и он не мог причинить вред сестре, потому что

от него требовалось заботиться о них, защищать. Его мать наблюдала за ним.

– Где несъеденные части? – спросил он.

Виолет указала на дверь кухни.

Конфетка зажег наружный свет и вышел на заднее крыльцо. Кусочки костей и позвонки валялись на некрашенных досках. Только две стороны крыльца были открытыми, остальные занимали стены дома, и в том углу, где сходились стены, Конфетка нашел кусок хвоста Саманты и клоки шерсти, загнанные туда ночным ветром. Наполовину размозженный череп лежал на верхней ступеньке. Конфетка поднял его и спустился на некошеную лужайку.

Ветер, который во второй половине дня уменьшил напор, внезапно стих полностью. Холодный воздух разносил самый слабый звук на большое расстояние; но ночь замерла.

Обычно Конфетка мог коснуться предмета и увидеть, кто держал этот предмет до него. Случалось, он видел, куда пошел этот человек, оставив предмет, и, отправляясь на поиски этих людей, всегда находил их в том месте, на которое указывало дарованное ему ясновидение. Фрэнк убил кошку, и Конфетка надеялся, что его контакт с останками разбудит шестое чувство, которое выведет его на след брата.

Но разбитый череп очистили даже от самой маленькой толики плоти. Сожрали и то, что находилось внутри. Чистая, вылизанная, высушенная ветром кость ничем не отличалась от окаменелостей далеких веков. И в голове Конфетки по-

явились образы не Фрэнка, а других кошек, Вербины и Виолет. В конце концов он с отвращением отшвырнул череп Саманты.

Раздражение только усилило злость. Конфетка чувствовал, как нарастает потребность. Он изо всех сил старался ее подавить... но сопротивляться нарастанию потребности было куда труднее, чем устоять перед женскими чарами или другими соблазнами. Он ненавидел Фрэнка. Ненавидел сильно, всей душой, ненавидел все семь лет, с завидным постоянством, и сама мысль о том, что он проспал возможность уничтожить его, выводила Конфетку из себя.

Потребность...

Он упал на колени на заросшей сорняками лужайке. Сжал пальцы в кулаки, ссутулился, стиснул зубы, стараясь превратиться в скалу, в недвижимую массу, которую даже самая насущная потребность, даже жуткий голод, даже дикая страсть не заставили бы сместиться хоть на дюйм. Он молился матери, просил дать ему силы устоять. Вновь поднялся ветер, и Конфетка точно знал, что это дьявольский ветер, который старается унести его навстречу искушению, поэтому повалился вперед, лицом вниз, вцепился пальцами в землю, повторяя святое имя матери, Розель, шепча его в землю и траву, снова и снова, прилагая все силы к тому, чтобы задавить свою черную потребность. Потом он заплакал. Поднялся. И пошел на охоту.

Глава 21

Фрэнк пошел в кинотеатр, просидел весь сеанс, но так и не смог сосредоточиться на фильме. Пообедал в «Эль Торито», не чувствуя вкуса пищи. Заталкивал в рот энчилады¹⁰ и рис, как заталкивают в печку дрова. Потом пару часов бесцельно ездил по центральной и южной частям округа Ориндж, нигде не останавливаясь, потому что чувствовал: безопасность – в движении. Наконец вернулся в отель.

Вновь попытался пробить черную стену в мозгу, за которой скрывалось прошлое. Упорно выискивал хоть малейшую щель, через которую мог бы получить доступ к памяти. Не сомневался: если бы нашлась хоть одна такая щель, рухнул бы весь фасад амнезии. Но стена была ровной и гладкой.

Он погасил свет, но заснуть не мог.

Ветер практически стих. Его порывы не могли стать причиной бессонницы.

И хотя крови на простынях была самая малость, и хотя она давно уже высохла, Фрэнк решил, что именно кровавые пятна на простыне мешают ему заснуть. Включил лампу, скинул простыни на пол, попытался уснуть без них. Не вышло.

Он сказал себе, что уснуть ему не дает амнезия, результат одиночества и чувства изоляции. И хотя в этом была доля

¹⁰ Энчилада – блинчик из кукурузной муки с мясом, сыром и перцем.

правды, он знал, что обманывает себя.

Потому что настоящей причиной, не позволяющей ему сомкнуть глаза, был страх. Страх перед тем, куда его может завести лунатизм. Страх того, что он может натворить в таком состоянии. И что найти на руках, когда проснется.

Глава 22

Дерек спал. На другой кровати. Тихонько похрапывая. Томас заснуть не мог. Поднялся, подошел к окну, выглянул. Луна ушла. Он видел только темноту, огромную темноту.

Томас не любил ночь. Она его пугала. Он любил солнечный свет, яркость цветов, зелень травы, синеву неба над головой. Небо напоминало Томасу крышку, которая накрывает мир, чтобы в нем царил полный порядок. Ночью все цвета исчезали, мир становился пустым, будто кто-то снимал крышку и запускал под нее пустоту, а ты смотрел на эту пустоту и чувствовал, что тебя может унести, как все эти цвета, унести из этого мира, и утром, когда крышку вернут на место, тебя под ней уже не будет, ты будешь где-то еще и никогда не сможешь вернуться назад. Никогда.

Подушечками пальцев он коснулся окна. Стекло, холодное.

Ночью он предпочитал спать. Обычно и спал. Но не в эту ночь.

Он волновался о Джулии. Всегда немного волновался о ней. Брату и полагалось волноваться. Но сейчас волновался сильно. Очень сильно.

А началось все этим утром. Забавное чувство. Забавное не в смысле ха-ха. В смысле странное. В смысле пугающее. Чувство говорило: «С Джулией должно случиться что-то

действительно плохое». Томас очень расстроился, пытался предупредить ее. Послал тиви-предупреждение. Ему говорили, что картинки, голоса и музыка на тиви передаются через воздух. Поначалу он думал, это ложь, над ним просто насмеются, пользуясь его тупостью, ожидают от него, что он поверит всему. Но потом Джулия подтвердила, что это правда, поэтому иногда он пытался послать ей свои мысли через тиви, потому что если по воздуху передавались картинки, голоса и музыка, то уж передать мысли было проще простого.

«Будь осторожна, Джулия, – транслировал он через тиви. – Не теряй бдительность, будь осторожна. Что-то плохое может случиться».

С Джулией у него всегда существовала какая-то связь. Он знал, когда она счастлива. Или грустит. Когда она болела, он иногда ложился на кровать и прижимал руки к животу. Он всегда знал, когда она собиралась приехать к нему.

Что-то похожее произошло у него и с Бобби. Не сразу. Когда Джулия первый раз приехала с Бобби, Томас не почувствовал ничего. Но со временем стал чувствовать больше. И теперь с Бобби у него установилась почти такая же крепкая связь, как с Джулией.

Он что-то чувствовал и в отношении других людей. Как Дерек. Как Джина, еще одна пациентка с синдромом Дауна, которая жила в Доме. Как две нянечки. Как одна из медсестер. Но эти связи значительно уступали тем, что установи-

лись у него с Бобби и Джулией. Он предположил, что чем сильнее он любит человека, тем больше его чувствует... знает о нем.

Иногда, если Джулия волновалась о нем, Томасу очень хотелось сказать ей, что он в курсе и с ним все в полном порядке. Потому что она порадовалась бы, узнав, что ему известно о ее тревоге. Но он не располагал достаточным словарным запасом. Не мог объяснить, как и почему он иногда чувствовал эмоции других людей. Ему даже и не хотелось рассказывать кому-либо об этом, поскольку он боялся, что его примут за тупицу.

Он и был тупицей. Знал это. Не таким тупицей, как Дерек, который был милым парнем, хорошим соседом по комнате, но уж очень медленно соображал. Люди иной раз использовали это слово, «медлительный», вместо «тупой», если говорили в его присутствии. Джулия – никогда. Бобби – никогда. Но некоторые люди говорили «медлительный» и думали, что он этого не поймет. Но он понимал. У них хватало других заумных слов, которых он действительно не понимал, но конечно же понимал, что означает «медлительный». Он не хотел быть тупым, но никто не дал ему шанса, и иногда он посылал тиви-сообщение Богу, просил Бога помочь ему перестать быть тупым, но то ли Бог хотел, чтобы он остался тупым навсегда (но почему?), то ли Бог не получал его сообщений.

Джулия тоже не получала его сообщений. Томас всегда

знал, когда его сообщения, отправленные через тиви, доходили до адресата. До Джулии они не доходили никогда.

Но иногда он мог связаться с Бобби, что было забавно. Не в смысле ха-ха. Забавно в смысле странно. Забавно в смысле интересно. Когда Томас через тиви отправлял мысль Джулии, иногда ее получал Бобби. Как в это утро, когда он отправил тиви-предупреждение Джулии...

«Что-то плохое может случиться, Джулия, грядет что-то действительно плохое...»

...его получил Бобби. Может, потому, что и он, Томас, и Бобби любили Джулию? Томас этого не знал. Понятия не имел, как такое могло произойти. Но произошло. Бобби находился с ним на одной волне.

И теперь Томас стоял у окна, в пижаме, смотрел в пугающую ночь, чувствовал там присутствие Плохого, которое отзывалось покалыванием в костях. Плохой был далеко как от него, так и от Джулии, но приближался.

Сегодня, во время визита Джулии, Томас хотел сказать ей о приближении Плохого. Но не мог сказать об этом так, чтобы слова его прозвучали осмысленно, боялся, что они прозвучат тупо. Джулия и Бобби, разумеется, знали, что он тупой, но он терпеть не мог говорить тупо в их присутствии, напоминать им, до какой степени он тупой. Все слова были у него в голове, он выстроил их как положено, приготовился к тому, чтобы произнести, но внезапно все они перемешались, и он больше не смог привести их в порядок, вот он ничего

и не сказал, потому что они стали словами, не несущими в себе никакого смысла, и он бы выглядел очень, очень тупым.

А кроме того, он не знал, как охарактеризовать Плохого. Он думал, что это, возможно, человек, реальный ужасный человек, живущий в мире, который простирался за окнами, собирающийся причинить вред Джулии, но чувствовал, что Плохой – не совсем человек. Частично человек, но частично – что-то еще. И это что-то заставляло Томаса холодеть не только снаружи, но и изнутри. Словно он стоял на зимнем ветру и ел мороженое.

По его телу пробежала дрожь.

Он хотел бы отделаться от ужасных чувств, которые вызывал у него этот Плохой, но не мог просто вернуться в постель и отсечь их. Потому что у него возникла возможность предупредить Джулию и Бобби о приближении этой твари.

За спиной Томаса Дерек что-то пробормотал во сне.

В Доме царила тишина. Все тупые люди крепко спали. За исключением Томаса. Иногда ему нравилось бодрствовать, когда остальные спали. Иногда он чувствовал себя умнее их всех, видя то, что не видели они, зная то, чего не знали они, потому что, в отличие от него, спали.

Он всматривался в пустоту ночи.

Прижался лбом к стеклу.

Ради Джулии мысленно устремился в пустоту. Далеко-далеко.

Открыл себя. Чувствам. Покалыванию в костях.

Что-то большое, отвратительно ужасное ударило его. Как волна. Вышло из ночи и ударило его, он отлетел от окна и задом плюхнулся на кровать, а потом более не мог чувствовать Плохого, тот ушел, но перед этим он почувствовал что-то такое большое и мерзкое, что у него отчаянно заколотилось сердце и он с трудом мог дышать. Поэтому он незамедлительно отправил тиви-сообщение Бобби: «Беги, беги, подальше отсюда, спасай Джулию, Плохой идет, Плохой, беги, беги!»

Глава 23

Сон наполняла музыка Гленна Миллера «Серенада лунного света», хотя, как и все во сне, мелодия чем-то отличалась от реальной. Бобби очутился в доме, знакомом и при этом совершенно чужом, и каким-то образом знал, что это бунгало у моря, в котором он и Джулия намеревались поселиться, уйдя на пенсию молодыми. В гостиной с персидским ковром на полу, удобными креслами, огромным старым «честерфилдом»¹¹, комодом Рулмана с бронзовыми панелями, торшером ар-деко, полками, полными книг. Музыка доносилась снаружи, вот он и направился к ее источнику. Ему нравилась легкость, с которой обеспечивалось перемещение во сне. Он миновал дверь, не открывая ее, пересек широкое крыльцо, спустился по ступеням, не шевельнув ногой. С одной стороны урчал океан, пена на гребнях волн чуть флуоресцировала в темноте. Под пальмой на песке стоял музыкальный автомат «Уэрлитцер-950», сверкая золотым и красным цветами, в трубках бежали подсвеченные пузырьки, газели непрерывно прыгали, механизм замены пластинок сверкал, словно сделанный из серебра, на проигрывателе вращалась большая черная пластинка. Бобби чувствовал, что «Серенада лунного света» будет играть до окончания ве-

¹¹ «Честерфилд» – большой мягкий диван с подлокотниками, с закругленной спинкой и толстыми подушками.

ков, и его это вполне устраивало, потому что более умиротворяющей мелодии он назвать не мог. Он знал, что Джулия вышла из дома следом за ним и ждет его на влажном песке у самой воды, чтобы потанцевать с ним. Он повернулся и увидел ее, подсвеченную «Уэрлитзером-950», уже шагнул к ней...

«Беги, беги, подальше отсюда, спасай Джулию, Плохой идет, Плохой, беги, беги!»

Темно-синий океан внезапно подпрыгнул, словно вздыбленный штормом, и первая большущая волна обрушилась на берег.

Ураганный ветер тряхнул пальмы.

«Плохой! Беги! Беги!»

Земля закачалась под ногами у Бобби. Он двинулся к Джулии. Вокруг пенилась вода. Что-то хотело ее забрать, схватить, у этой воды был разум, этот океан реализовывал чью-то волю.

«Плохой!»

Оркестр Гленна Миллера заиграл с удвоенной скоростью.

«Плохой!»

Мягкий романтический свет «Уэрлитзера» стал ярче, резал глаза, но не разгонял темноту ночи. Музыкальный автомат сиял, как распахнутая дверь в ад, но темнота только сгущалась, не желая что-либо открывать этому сверхъестественному сиянию.

«ПЛОХОЙ! ПЛОХОЙ!»

Земля под ногами закачалась с новой силой.

Бобби тем не менее пересекал пляж, направляясь к Джулии, которая, похоже, не могла шевельнуться. Ее заглатывала бурлящая черная вода.

«ПЛОХОЙ ПЛОХОЙ ПЛОХОЙ ПЛОХОЙ!»

Небо над ними расколосось громовым раскатом. Однако молния не прорезала темноту.

Бобби обернулся. Бунгало исчезло. Со всех сторон поднималась вода. Пляж уходил у него из-под ног.

«ПЛОХОЙПЛОХОЙПЛОХОЙПЛОХОЙ!»

Двадцатифутовая волна нависла над Бобби. Обрушилась на него, подхватила, понесла. Он пытался плыть. Кожа на кистях рук пошла пузырями, начала слезать, обнажая мышцы, которые, в свою очередь, растворялись в воде, открывая белые кости. Полуночная морская вода разъедала человеческую плоть, как серная кислота. Его голова ушла под воду. Он вынырнул, жадно хватая ртом воздух, но вода уже сожрала его губы, принялась за десны, которые все более обнажали зубы, а язык превратился в соленую пульпу, которая утекла в желудок. Наполненный влагой воздух, такой же агрессивный, как вода, мгновенно разъял легкие, и он уже не мог вдохнуть. Ушел под воду, колотя по ней руками, от которых остались одни кости, течением его понесло в глубину, в темноту, откуда не было возврата.

«ПЛОХОЙ!»

Бобби сидел на кровати.

Он кричал, но ни звука не сорвалось с губ. Когда понял, что это сон, оставил попытки закричать, и вот тут жалкий всхлип таки вырвался из груди.

Одеяло он отбросил еще раньше. Сидел на краю, упираясь ногами в пол, руками в матрас, словно все еще находился на качающемся берегу или пытался плыть в огромных набегающих волнах.

Зеленые цифры на часах под потолком показывали 2:43.

Какое-то время он слышал только громовые удары сердца, из окружающего мира не доносилось ни звука. Но потом различил ровное дыхание Джулии. Его удивило, что он ее не разбудил. Вероятно, не метался по кровати, когда ему приснился этот кошмар.

Паника, охватившая его во сне, полностью не ушла. Озабоченность начала нарастать прежде всего потому, что крошечной тьмой спальня не отличалась от океанских глубин, в которые его затянуло. Из опасения разбудить Джулию он не решился включить лампу на столике у кровати.

Как только Бобби понял, что ноги удержат вес его тела, он поднялся и в полной темноте обошел кровать. Дверь в ванную находилась со стороны Джулии, но никакие препятствия не преграждали путь, этим маршрутом он проходил бесчисленное число раз в другие ночи, вот и теперь опыт и инстинкт привели его к цели.

Бобби плотно закрыл за собой дверь и включил свет. На несколько мгновений флуоресцентная яркость не позволи-

ла ему взглянуть на сверкающую поверхность зеркала над двумя раковинами. Когда же наконец удалось рассмотреть свое отражение, он с радостью отметил, что кожа и мышцы на месте, не съедены кислотой. Сон был на удивление реальным, ничего подобного ранее с ним не случалось, в каком-то смысле даже более реальным, чем сама жизнь. Цвета, звуки, увиденные и услышанные во сне, никак не выходили из головы, хотя он давно проснулся и теперь стоял в ярко освещенной ванной. С одной стороны, он понимал, что видел страшный сон, с другой – боялся, что след, оставленный на его теле этим кошмарным океаном, никуда не денется и после пробуждения.

Содрогнувшись, он наклонился вперед, оперся о панель. Включил холодную воду, умылся. Не вытирая лица, поднял голову и встретился взглядом с глазами своего отражения в зеркале. Прошептал: «Что это, черт побери, было?»

Глава 24

Конфетка охотился.

Восточный край участка Поллардов круто обрывался в каньон. С отвесными склонами, главным образом из сухой земли, которую местами прорезали жилы розового и серого глинистого сланца. Только разветвленные корневые системы растений, приспособившихся к суровой жизни в пустыне, таких как чапараль, пампасная трава, мескитовое дерево, удерживали склоны от размывания при сильных дождях. Росли там редкие эвкалипты и лавры. А в некоторых местах, где на склоне образовывалось некое подобие террасы, в землю удавалось вцепиться и калифорнийским дубам. Дно каньона сейчас представляло собой сухое русло, а вот после ливня превращалось в бурлящий поток.

Несмотря на свои внушительные габариты, передвигался Конфетка легко и без единого звука. По каньону, продвигаясь на восток, добрался до пересечения еще с одной трещиной в земле, слишком узкой, чтобы зваться каньоном. Повернул на север. С обеих сторон поднимались вертикальные стены, ширина прохода сократилась до каких-то двух футов. Хрупкие перекасти-поле, сброшенные в расщелину ветром, скапливались в наиболее узких местах, царапали Конфетку, когда он продирался сквозь них.

На дне расщелины, куда не попадал свет лунного серпа,

ночь была особенно темной, но спотыкался Конфетка редко и нигде не замедлял шаг. Дарованные ему таланты не включали сверхострое зрение, отсутствие света ослепляло его точно так же, как и любого другого человека. Однако даже в самую темную ночь он знал, когда перед ним возникала преграда, чувствовал рельеф территории, по которой шел, а потому уверенно продвигался вперед. Он не знал, каким образом служило ему шестое чувство, ничего не предпринимал для того, чтобы задействовать его. И однако, обладал недоступной обычному человеку способностью в любой момент времени точно знать свое местоположение в окружающем его пространстве. Ту же способность, возможно, удавалось развить в себе канатоходцам, которые, даже с повязкой на глазах, могли без труда пройти по высоко натянутой струне, над головами глазающей на них толпы.

То был еще один дар матери.

Все ее дети обладали сверхъестественными способностями. Но Конфетка в большей степени, чем Виолет, Вербина и Фрэнк.

Узкая расщелина вывела его в другой каньон, и Конфетка опять повернул на восток, прибавив шагу, потому что его потребность становилась все более насущной. Наверху, пусть и нечасто, еще встречались дома, но яркий свет окон не достигал дна каньона. Время от времени он вскидывал голову, с тоской смотрел на эти дома, потому что там была так необходимая ему кровь.

Бог дал Конфетке жажду крови, создал его хищником. А потому Бог нес ответственность за все содеянное Конфеткой. Мать давным-давно объяснила ему все это. Бог хотел, чтобы он убивал избирательно. Но когда Конфетка не мог себя сдерживать, вина лежала именно на Боге, потому что Он не даровал Конфетке силу воли, способную сдержать жажду крови.

Как и у всех хищников, миссия Конфетки состояла в том, чтобы очищать стадо от слабых и больных. В его конкретном случае предполагалось, что добычей Конфетки станут морально разложившиеся члены человеческого стада: воры, мошенники, обманщики, прелюбодеи. К сожалению, он не всегда мог узнать грешников, когда сталкивался с ними. Выполнять возложенную на него миссию было гораздо проще при жизни матери, потому что она без труда находила и указывала ему черные души.

Сегодня он как мог сдерживал себя, решив ограничиться убийством диких животных. Убивать людей, особенно в такой близости от дома, не хотелось: он мог привлечь к себе внимание полиции. Местных он решался убивать только в двух случаях: если они так или иначе перешли дорогу семье или их просто нельзя было оставлять в живых.

Если бы ему не удалось утолить свою потребность кровью диких животных, тогда пришлось бы уйти куда-то далеко, в любое место, и уже там убивать людей. Его мать в раю разозлилась бы на него, разочаровалась в нем, поскольку он не

мог контролировать себя, но Бог обвинить его в этом не мог. В конце концов, он был всего лишь таким, каким Бог его создал.

Когда огни последнего дома остались за спиной, Конфетка остановился в небольшой рощице. Сильный ветер, который днем срывался с высоких холмов и вдоль каньонов мчался вниз, к морю, полностью стих. На ветвях не шевелился ни один листочек.

Глаза Конфетки привыкли к темноте. Деревья серебрились в тусклом звездном свете, свисающие с крон выюны создавали впечатление, что он окружен бесшумными водопадами.

Никакой добычи он не видел.

Не слышал шебуршания живности в кустах.

Однако знал, что множество маленьких зверьков, наполненных теплой кровью, затаились неподалеку в норах, в кучах сухой листвы, в нишах под камнями.

Он поднял руки перед собой, ладонями вперед, растопырил пальцы. И руки его запульсировали синим светом, оттенка светлого сапфира, слабым, как сияние лунного серпа. Светились они с секунду, не больше. Качнулись листья, травинки, но тут же замерли, а дно каньона вновь погрузилось в темноту.

Но синий свет вновь заструился с пальцев Конфетки, словно его ладони были фонарями со створками, которые то открывались, то захлопывались. На этот раз яркость света

увеличилась как минимум вдвое, и светились руки секунды две. Листья зашуршали, качнулись два или три выюна, трава затряслась на расстоянии тридцати или сорока футов от него.

Притянутый этими странными вибрациями, какой-то зверек подбежал к Конфетке и уже двинулся дальше. Но тот опустил левую руку и ухватил невидимого пробегающего мимо зверька, спасибо сверхъестественным рефлексам, потому что не мог ни увидеть, ни услышать, ни учуять добычу. Как выяснилось, полевую мышь. На мгновение она замерла от испуга. Потом запищала, отчаянно заворочалась в попытке выскользнуть, но Конфетка держал ее крепко.

Присущие ему способности не оказывали воздействия на живых существ. Он не мог парализовать свою добычу телекинетической энергией, которую излучали его руки. Не мог притягивать их к себе, сзывать. Только пугал, заставляя покинуть убежище. Он мог вырвать с корнем любое дерево, мог вскинуть в воздух кучу камней и земли, но ему бы не удалось, используя только энергию мозга, заставить шевельнуться хоть один мышинный волосок. Он не знал, чем вызвано такое ограничение. Виолет и Вербина не обладали такими же впечатляющими способностями, как он, зато могли воздействовать на живых существ, маленьких животных, таких как кошки. Растения подчинялись воле Конфетки, иногда насекомые, но существа с разумом – нет, пусть даже с таким слабеньким разумом, как у мышки.

Опустившись на колени меж серебристых деревьев, Конфетка оказался в такой тьме, что не различал мышку, лишь видел чуть поблескивающие глаза. Он поднес зажатого в кулаке грызуна ко рту.

Мышка в ужасе пискнула.

Конфетка откусил ей голову, выплюнул, торопливо прижался губами к шее. Кровь сладкая, но как же ее было мало!

Он отбросил грызуна и вновь вытянул руки перед собой, ладонями вперед, с растопыренными пальцами. На этот раз руки засияли насыщенным сапфировым цветом. И хотя светились они не больше двух секунд, эффект воздействия заметно возрос. Земля заходила ходуном, деревья затрясло, выюны болтало из стороны в сторону, листья громко зашуршали, голыши отрывало от земли и подбрасывало в воздух, камни побольше покатались, сталкиваясь друг с другом. Пучки травы выдирало с корнем и зашвыривало в ночь. Кучи сухой листвы словно взрывались изнутри, сами листья разлетались в разные стороны. И причиной тому был не ветер, никакого ветра не было и в помине, а сапфировое сияние и сопровождавшие его вибрации.

Все живое повывлезало из своих убежищ, и некоторые зверьки побежали на него. Другие – в противоположную сторону. И не потому, что кто-то из них учуял Конфетку, а кто-то нет. То ли они вообще не улавливали его запаха, то ли пах он так же, как все они, не было в этом запахе ничего человеческого, и в панике они не понимали, что он – хищник.

Он видел их лишь как что-то темное и бесформенное, они пробегали мимо, словно тени, отбрасываемые вращающейся лампой. Но он их также чувствовал благодаря своему психическому дару. Койоты пробегали мимо, до смерти перепуганный енот проскочил впритирку к его левой ноге. С этими он связываться не стал, не хотел, чтобы его подрали когтями или укусили. Дважды мимо проскакивали полевые мыши, но такая мелочовка его не интересовала, хотелось добыть что-то более крупное, с большим количеством крови.

Он попытался ухватить белку, промахнулся, но уже в следующее мгновение схватил зайца за задние лапы. Заяц заверещал. Начал размахивать менее опасными передними. Но Конфетка перехватил их второй рукой, и заяц перестал дергаться, парализованный страхом.

Конфетка поднял его к лицу.

Заяц пах пылью и мускусом.

Красные глаза поблескивали от ужаса.

Конфетка слышал, как колотится заячье сердце.

Он вонзил зубы в шею. Шерсть, шкура, мышцы сопротивлялись, но кровь потекла.

Заяц задергался не в попытке вырваться, но словно выражая смирение со своей судьбой. Дергался медленно, будто показывая, что чуть ли не радуется грядущей смерти. За долгие годы Конфетка многократно сталкивался с таким поведением маленьких зверьков, особенно зайцев, и всегда приходил в восторг, потому что видел в этом признание своей

силы, ощущал себя настоящим хищником, таким же, как лиса или волк.

Дерганье прекратилось, заяц обмяк в его руках. Он еще был жив, но от потери крови впал в состояние, напоминающее транс, и не чувствовал боли. Таким образом Бог проявлял свое милосердие к мелкой живности.

Конфетка еще раз впился зубами в шею, уже глубже, высасывая последние остатки крови, хотел выпить ее всю, до последней капли.

Где-то далеко, в другом каньоне, завыл койот. К нему присоединилась вся стая. Они выли и выли, то громче, то тише, то ли понимая, что в эту ночь охотники не только они, то ли почувствовав запах свежей крови.

Конфетка тем временем отбросил заячий трупик.

Но жажда так и осталась неутоленной. И чтобы напиться вволю, требовалось поймать еще многих зайцев и белок.

Он поднялся и двинулся вглубь каньона, где живность не потревожило сапфировое сияние. Добычи в каньоне хватало. До восхода солнца оставалось еще много времени.

Глава 25

Может, сказывался понедельник. Может, ухудшению настроения способствовали затянувшие небо низкие облака, грозившие в любую минуту разразиться дождем. А может, причину следовало искать в событиях той бурной ночи около здания компании «Декодайн». Прошло-то лишь четыре дня, и воспоминания оставались слишком уж свежими. Но как бы то ни было, Джулии не хотелось браться за дело этого Фрэнка Полларда. Если уж на то пошло, и за любое другое – тоже. Они продолжали работать по нескольким долгосрочным контрактам, связанным с обеспечением безопасности. С этими фирмами-заказчиками они сотрудничали уже много лет, и она не испытывала ни малейшего желания влезать во что-то новое. На данный момент ей вполне хватало того, что было знакомо и привычно. Значительная часть работы, которую они выполняли, таила в себе не больше риска, чем поход в супермаркет за пакетом молока, хотя потенциально опасность являлась составной частью любого контракта. Однако определить степень опасности нового заказа не представлялось возможным. Даже если бы какая-нибудь старушка божий одуванчик пришла к ним утром этого понедельника с просьбой найти потерявшегося кота, Джулия, возможно, сочла бы, что искать этого кота так же опасно, как и вооруженного топором психопата. В это утро нервы Джулии напо-

минали натянутые струны. Если бы им не улыбнулась удача, Бобби уже четыре дня пребывал бы в другом мире.

Сидя на стуле за массивным, из металла и пластика столом, чуть наклонившись вперед, Джулия изучала Полларда. Он никак не желал встретиться с ней взглядом, и вот эта увертливость только усиливала ее подозрения, несмотря на его вроде бы совершенно безобидную (или она только казалась такой?) внешность.

Ему бы очень подошло имя какого-нибудь комика из Лас-Вегаса – Шеки, Бадди, что-то в этом роде. Лет тридцати с небольшим, при росте пять футов и десять дюймов, он весил фунтов сто восемьдесят. На тридцать больше, чем следовало. Однако именно лицо послужило бы ему пропуском в мир комедии. Если не считать нескольких странных царапин, которые уже практически зажили, лицо было на удивление открытое, доброе, круглое. С глубокими ямочками и румянцем на щеках, словно большую часть жизни он простоял на арктическом ветру. Нос тоже отливал красным, но не из-за пристрастия к спиртному: его несколько раз ломали. И все равно выглядел нос смешно, а не страшно, не превращал его обладателя в бандита.

Поникнув плечами, Поллард сидел на одном из кожаных хромированных стульев с подлокотниками перед столом Джулии. Говорил мягким, приятным, мелодичным голосом. – Мне нужна помощь. Я не знаю, куда еще обратиться. Несмотря на внешность комика, выглядел он мрачным. И

в голосе, при всей мягкости и мелодичности, слышались отчаяние и усталость. Одной рукой он периодически вытирал лицо, словно смахивал паутину, а потом в недоумении смотрел на ладонь. Словно не понимая, почему на ней ничего нет.

Тыльные стороны обеих кистей покрывали царапины, две-три из которых чуть вздулись и воспалились.

– Но, откровенно говоря, – продолжил он, – я понимаю, что обращение за помощью к частным детективам выглядит нелепо, словно это не реальная жизнь, а телесериал.

– У меня изжога, следовательно, это реальная жизнь, – подал голос Бобби. Он стоял у одного из больших окон шестого этажа, выходящих на затянутый туманом океан и соседние здания «Острова моды», торгового центра в Нью-порт-Бич, примыкавшего к административному корпусу, в котором частное детективное агентство «Дакота-и-Дакота» занимало семь комнат. Он отвернулся от окна, прислонился к подоконнику, достал из кармана пиджака упаковку «Рол-эйдс»¹²

¹² «Ролэйдс» – нейтрализатор кислотности, выпускается в виде таблеток с мятой, вишневой и другими вкусовыми добавками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.